

В. И. Шаховский

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ЛИНГВИСТИКА
В ЛИЦАХ**

Азбука человечности

URSS

МОСКВА

Шаховский Виктор Иванович

Отечественная лингвистика в лицах: Азбука человечности.
М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. — 96 с.

Настоящая книга представлена в виде очерков, написанных о тех ученых-лингвистах и методистах, с которыми автор неоднократно встречался в процессе своей научно-исследовательской и педагогической деятельности в течение многих лет. Это своеобразная благодарность автора ученым, упомянутым в его книге, за их помощь, поддержку и доброе человеческое отношение к нему. В книге воспроизводятся некоторые эпизоды тех встреч автора с учеными, которые оказали на него значительное, по его мнению, влияние. Для автора все эти люди являются большими авторитетами — как в человеческом, так и в научном отношении, и он хотел бы, чтобы и другие ученые, прежде всего молодые, увидели этих выдающихся лингвистов сквозь призму его личного восприятия.

Книга адресована широкому кругу читателей, включая студентов, магистрантов, аспирантов филологических факультетов вузов.

Научный редактор:

доктор филологических наук, профессор *С. В. Ионова*

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».
117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.
Формат 60×90/16. Печ. л. 6. Зак. № 4561.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-397-01810-4

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

Содержание

От редактора	
Лингвистика как работа, хобби и жизнь	5
Предисловие.....	8
ОЧЕРК 1. Первое знакомство с московскими лингвистами ..	10
ОЧЕРК 2. Дружеское общение с доцентом Сильвией Борисовной Берлизон.....	12
ОЧЕРК 3. Добрый-добрый профессор Александр Владимирович Кунин	15
ОЧЕРК 4. Строгий-строгий профессор Борис Аронович Лапидус.....	19
ОЧЕРК 5. Великий и мудрый профессор Геннадий Владимирович Колшанский.....	23
ОЧЕРК 6. Демократичный, остроумный, гениальный академик Борис Александрович Серебренников	27
ОЧЕРК 7. Встречи с авторами вузовского учебника: доцент Розалия Семеновна Гинзбург и доцент Сара Соломоновна Хидекель	31
ОЧЕРК 8. Искрометная, красивая, талантливая профессор Вероника Николаевна Телия.....	37
ОЧЕРК 9. Поэтичный, остроумный и грозный профессор Илья Романович Гальперин	46

ОЧЕРК 10. Многоплановый, толерантный профессор Владимир Григорьевич Гак.....	51
ОЧЕРК 11. Старый верный друг, профессор Карл Хайнц Хенкст.....	57
ОЧЕРК 12. Очаровательная, остроумная, добрейшая профессор Валерия Андреевна Кухаренко.....	63
ОЧЕРК 13. Первый психолингвист в моем научном опыте – профессор Александр Маркович Шахнарович.....	70
ОЧЕРК 14. Психолингвист, переводовед и близкий мне по духу человек профессор Юрий Александрович Сорокин.....	73
ОЧЕРК 15. Лексиколог, мудрая и великодушная профессор Ирина Владимировна Арнольд.....	78
ОЧЕРК 16. Лингвофилософ профессор Георгий Исаевич Богин	82
ОЧЕРК 17. Неожиданные встречи с профессором Владимиром Андреевичем Звегинцевым	85
ОЧЕРК 18. Дважды доктор наук, академик Алексей Алексеевич Леонтьев	88
ОЧЕРК 19. И другие встречи... ..	92
Послесловие	94

От редактора

Лингвистика как работа,
хобби и жизнь

Время неумолимо, оно движется вперед, унося с собой не только мелкое и частное, но зачастую и нечто важное и значимое, что не должно исчезать из нашей жизни. Этим значимым для научной жизни, наряду с интеллектуальным наследием исследователей, является величайший опыт поколений, запечатленный в традициях и этике профессионального и личного общения ученых.

Очерки автора книги В. И. Шаховского — это не просто воспоминания. Это повествование о лингвистах, которым еще не посвящены книги по истории отечественной лингвистики, но которые от этого не стали менее замечательными и значимыми для тех, кого судьба сталкивала с этими большими учеными, педагогами и яркими личностями. Как показано в данной книге, каждая из таких встреч может стать знаковым событием для того, кто готов не только расширять свои интеллектуальные ресурсы, но и воспитывать в себе мудрость сердца.

В своей юбилейной речи Ч. С. Чаплин, делаясь с современниками «наукой жизни», предостерегал: «Ум мой

может мне мешать, ... от него можно даже заболеть, ... но когда я смог связать его с моим сердцем, он сразу стал моим ценным союзником. Сегодня я зову эту связь „Мудрость сердца“. Именно эту мысль выражает название данной книги, в которой речь идет о «человеческом факторе» в науке, влияние которого на формирование нравственной творческой личности трудно переоценить.

Изменившиеся ценностные приоритеты современного общества выдвигают на первое место новые имена, сферы деятельности, взгляды. Изменяется и характер научных сообществ, объем и качество научного труда, его ценность, личностный потенциал ученого. Тем ценнее становятся те уроки жизни, которые, бережно сохранив в своей памяти, передают следующим поколениям те, кто в полной мере приобщился к традициям великой отечественной науки. Настоящая книга очерков написана ученым-лингвистом, который от столкновения с творческими личными планетами больших ученых образовал новый научный мир, научную школу самой человекообразной области — лингвистики эмоций.

Лингвистика выполняет особую миссию: являясь отраслью, смежной со всеми сферами человеческой деятельности, она ближе всех наук подходит к сознанию — ядру человеческой личности. Но достижения этой области знания и вклад ученых-лингвистов в развитие общего знания о человеке менее всего известны рядовым носителям языка. Небольшие очерки, включенные в данное издание, могут послужить началом более широкого разговора на эту тему.

Данное издание адресовано лингвистам, для которых названные в очерках имена не являются посторонними;

имеющиеся данные дополняются живой иллюстрацией к известным фактам. Книга написана и для людей, еще не приобщившихся к языковедческой науке, но способных воспринять мир моральных ценностей творческих личностей, для которых их любимое дело является работой, хобби и составляет всю их жизнь.

Предисловие

Мне посчастливилось за мою долгую научную жизнь встретиться со многими выдающимися лингвистами. Среди них немало отечественных ученых и один зарубежный лингвист — Карл Хайнц Хенкст.

Каждый из очерков этой книги воспоминаний воспроизводит мои личные впечатления от встреч с ними и понимание той роли, которую сыграли эти известные ученые в моем становлении как лингвиста и как человека, и того влияния, которое они оказали на мои работы по теории языка: лингвистике эмоций, коммуникативистике, лингвокультурологии, тексто- и прагмалингвистике.

В очерках упоминаются лишь отдельные эпизоды этих встреч. Когда-нибудь, надеюсь, будет написан очередной том истории советской и российской лингвистики, в котором будет дан подробный анализ биографий и работ этих ученых.

В книге называются лишь некоторые из их работ, которые сыграли значительную роль в становлении и развитии моих лингвистических взглядов, воспроизводятся и некоторые личностные черты этих ученых, которые были замечены мной и которым я пытался следовать в своем общении с коллегами и учениками.

Я буду очень огорчен, если по прочтении этой книги у кого-то возникнет мысль, что я ставлю себя рядом с этими учеными. Они для меня Титаны, работы которых послужили ступеньками, чтобы взобраться на их плечи. Я никак не могу себя сравнивать с ними, но я счастлив, что мог что-то у каждого из них позаимствовать для себя. Я всего лишь их ученик или, по крайней мере, хотел бы себя считать им. Не знаю, однако, имею ли я на это право.

Желаю читателям приятного чтения.

ОЧЕРК 1

Первое знакомство
с московскими лингвистами

Мое знакомство с известными в то время учеными началось на вступительном экзамене в аспирантуру в 1966 г. в Московском областном педагогическом институте (МОПИ) им. Н. К. Крупской. За экзаменационным столом сидело три экзаменатора: Эсфирь Максимовна Айзенштадт, Нина Михайловна Пригоровская и Герман Яковлевич Коблов. Из них троих мне была известна только одна фамилия — Айзенштадт, которая была автором вузовского учебника по теоретической грамматике английского языка.

Сейчас, когда я пишу эти строки, передо мной стоит яркий образ всех троих: их внешний облик и слова.

Боялся я больше всего именно Эсфирь Максимовну, так как она была очень строга, иронична и язвительна. А конкурс был большой. Я ответил на все вопросы, мне поставили «отлично», моим научным руководителем назначили Г. Я. Коблова.

Он оказался грамматистом, а я грамматику всегда не любил и не хотел заниматься ею. Но вся кафедра была кафедрой грамматики английского языка, и мне при-

шлось сложно писать работу по лексике и семантике английского языка, да еще по их эмоциональному аспекту среди ученых-грамматистов.

В то время еще доминировала официальная точка зрения Владимира Андреевича Звегинцева о том, что в языке эмоций нет и что лингвистика не должна заниматься эмоциями.

В то время в этом вузе практически не было докторов филологических наук, профессоров, за исключением председателя Диссертационного Совета — Натальи Михайловны Васильевой.

Никаких семинаров с аспирантами эта кафедра не проводила, защиты кандидатских диссертаций были очень редки, а о докторских диссертациях и речи не могло быть. Но именно с этих редких защит началось мое вхождение в науку, которая стала потом и моей работой, и моим хобби, и моей жизнью.

Г. Я. Коблов сразу мне сказал, что он предоставляет мне полную свободу и в выборе темы диссертации и в ее написании. И я очень благодарен ему за то, что он не мешал мне это делать и прочитал мою готовую работу, лишь внеся в нее незначительную стилистическую правку.

В целом, лингвистическая наука этого вуза прошла для меня как-то стороной, так как в ней доминировала грамматика английского языка. Моя учеба проходила в основном в библиотеке им. В. И. Ленина, бывшей тогда для всей страны настоящим Храмом Науки. Я проводил там по 8–10 часов, читая, читая, читая.

Дружеское общение
с доцентом
Сильвией Борисовной
Берлизон

Моя первая встреча Сильвией Борисовной Берлизон состоялась в 1968 году. Она заведовала кафедрой английского языка в Рязанском педагогическом институте. Ее работы часто попадались мне в библиотеке им. В. И. Ленина, так как она занималась исследованием эмоциональной стороны английского языка, но, в отличие от меня, на материале фразеологии. У нее было большое количество публикаций, и я их все жадно перечитывал, потому что они были созвучны моему собственному исследованию.

Замечу, что в то время было написано очень мало работ по эмоциональным средствам английского языка. Известной в то время была только работа по эмоционально-усилительным наречиям английского языка В. А. Мальцева (Минск). А С. Б. Берлизон писала докторскую диссертацию об эмоциональной фразеологии.

Познакомился я с Сильвией Борисовной до своей защиты. Это был первый в моей жизни настоящий лин-

гвист, который дал мне очень много для моего становления в науке.

Она была моим первым неофициальным рецензентом и критиком. Встречи и острые дискуссии с ней об эмоциональности английской лексики и фразеологии, проходившие преимущественно по ее инициативе, значительно расширили мои изыскания в области тематики моей кандидатской диссертации. Наше знакомство переросло в дружбу, которая длилась вплоть до ее ухода из жизни. А до этого было много совместных публикаций, конференций, в том числе и студенческих, как в Рязани, так и в Волгограде.

Когда я впервые оказался в квартире Сильвии Борисовны, меня поразило два факта: полнейший хаос на ее письменном столе: книги, бумаги, рукописи, ручки, карандаши, — словно после землетрясения. На мой удивленный взгляд, прилипнувший к этому беспорядку, Сильвия Борисовна сказала: «Только ничего не трогайте, иначе я потом ничего там не найду!». На что я возразил: «А разве тут можно что-нибудь найти?». И Сильвия Борисовна ответила: «Моментально, и всё, что надо. Этот хаос — мой порядок». Когда я оглянулся, я убедился в ее правоте. Это был действительно ее «порядок».

А второй факт поразил меня еще больше: почти вся комната была заставлена полками с книгами, и на полу, оставляя мало места для прохода, лежали груды книг. Отдельный стеллаж от пола до потолка был заставлен словарями. Некоторых из них не было даже в библиотеке им. В. И. Ленина. На мой восхищенный вопрос «Откуда?» Сильвия Борисовна мне ответила: «Виктор, когда Вам будет столько лет, сколько мне, у Вас будет еще больше словарей, и еще более ценных». Я очень часто вспоми-

наю эти ее слова, когда мои аспиранты и докторанты такими же жадными глазами шарят по полкам моих словарей.

Полки другого стеллажа, тоже от пола до потолка, были забиты художественной литературой на английском языке. Несколько стеллажей содержали лингвистическую литературу, и немало полок было забито книгами по искусству.

Под большим впечатлением увиденного я долго не мог уснуть. Позже я узнал, что почти всю свою зарплату Сильвия Борисовна тратила на книги. Я стал постоянным читателем этой библиотеки, которую я назвал «Берлизоновка». Сильвии Борисовне это название очень понравилось, и мы вдвоем долгое время им пользовались.

Многие статьи, написанные мной в тот период времени, проходили первую апробацию в общении с Сильвией Борисовной, благодаря высокому уровню ее компетенции. Напомню, она исследовала эмоциональность английской фразеологии, но этой теме не суждено было воплотиться в ее собственную докторскую диссертацию. Однако она реализовалась в сотнях работ других фразеологов с использованием материала разных языков.

Имя Сильвии Борисовны Берлизон навсегда останется в истории фразеологии как имя ученого, внесшего наибольший вклад в изучение эмоционального аспекта фразеологических единиц языка и речи, а в моей памяти — как символ сподвижничества в науке, безграничной доброты и щедрости по отношению ко мнет и к своим аспирантам, которых у нее, по тем временам, было много. Именно поэтому я до сих пор цитирую это имя в своих работах.

Добрый-добрый
профессор
Александр Владимирович
Кунин

Когда первым оппонентом по моей кандидатской диссертации был назначен Александр Владимирович Кунин (а это был апрель 1969 г.), я уже знал его как автора самого знаменитого англо-русского фразеологического словаря.

Вскоре мне предстояло с ним встретиться в первый раз, после чего наши встречи продолжались очень регулярно, а наша дружба длилась долго.

Когда мне надо было везти Александру Владимировичу свою кандидатскую диссертацию, я позвонил ему, чтобы узнать, как найти его квартиру (я ведь не был москвичом и Москву знал очень плохо). По телефону он мне объяснил, как добраться, и назначил мне день и час встречи. Названного им района Москвы я совсем не знал и как-то пугливо и глупо спросил: «А если я Вас не найду?» На это Александр Владимирович полушутя, полусерьезно сказал: «Исследователь всегда должен искать и находить. А если Вы меня не найдете, то я откажусь от оппонирования».

Это меня испугало взаправду. Я тогда мало знал этого человека и поверил его шутке. Позже я увидел, насколько это бесконечно добрый, умный был человек и глубочайший теоретик, и не только в области фразеологии.

Конечно же, я его нашел его дом, квартиру и нажал кнопку звонка секунда в секунду назначенного времени, и он сам открыл мне дверь. Я увидел его приветливые и ласковые глаза и добродушную улыбку. Александр Владимирович сказал: «Ну, конечно же, я буду Вам оппонировать, раз Вы такой исследователь-поисковик и так точны».

Более двух часов мы проговорили с ним о моей диссертации. Она ему понравилась, и он сказал, что лично знаком с Сильвией Борисовной Берлизон, что она завершает докторскую диссертацию, и тоже по проблеме эмоциональности английского языка.

Позже, когда мы многократно встречались с Александром Владимировичем у него дома, его жена Тамара Георгиевна всегда приглашала меня на совместный ужин, за которым велись лингвистические беседы. Из этих бесед во время своих наездов в Москву я узнавал от А. В. Кунина о новых защитах, о новых статьях и книгах. Он дарил мне оттиски своих статей и переиздания своего словаря: одготомник, двухтомник и последнее большое издание. Подарил он мне также и свою книгу «Лексикология английского языка», которая была издана в 1941 г. Это был первый советский учебник по английской лексикологии, и я очень горжусь тем, что Александр Владимирович передал мне его. Я им пользовался, когда разрабатывал свой первый теоретический курс по лексикологии английского языка в Волгоградском педагогическом институте.

Александр Владимирович очень интересно выступил на моей защите, подчеркнул важность моего исследования для разработки совершенно новой для тогдашней лингвистики проблемы — «Эмоции в языке». Все члены Диссертационного Совета проголосовали «за».

У него был очень уютный рабочий кабинет, на рабочем столе был идеальный порядок. Недалеко от настольной лампы высилась гора диссертаций, которые ему предстояло рецензировать. Сверху он положил мою. У меня промелькнула мысль: «Как он эту гору будет читать: снизу или сверху? Если снизу, то мне придется очень долго ждать его мнения». Видимо, он прочел мои мысли и усмехнулся: «Не беспокойтесь, за неделю прочитаю». К моему удивлению, он свое слово сдержал.

Александр Владимирович был очень добрый, душевный, щедрый человек, подаривший мне очень много личного времени и личной (семейной) теплоты. Я всегда уходил от него, думая о себе как-то... лучше. Александр Владимирович умел поднять самооценку собеседника. И только спустя тридцать лет в одной из работ по эффективному общению я вычитал, что такой результат составляет важнейший компонент прагматики межличностного общения. Практика общения Александра Владимировича опережала надолго зарождение лингвопрагматики и теории коммуникации.

Мне посчастливилось слушать его лекции по лексикологии английского языка. Тогда еще не было учебной дисциплины «Фразеология», и Александр Владимирович Кунин был первым, кто выделил фразеологический уровень языка в системе других его уровней и написал несколько учебных пособий по курсу фразеологии английского языка с громадным иллюстративным материалом.

В моей домашней библиотеке имеются словари и книги Александра Владимировича с его дарственными дружескими надписями квадратным почерком, неровным, но легко читаемым. В моей памяти очень много теплых воспоминаний об этом великом и скромном лингвисте, который не любил пышных фраз, никогда не позволял себе критики в адрес коллег, но был строгим к своим ученикам и к диссертациям соискателей из других вузов, которым он оппонировал. Если работа ему не нравилась, он отказывался от оппонирования. Этому и многому другому, чему я научился у Александра Владимировича, я следовал позднее в своей работе и своих статьях и книгах.

Строгий-строгий
профессор
Борис Аронович
Лapidус

Когда мне дали кафедру второго иностранного языка, я познакомился с Борисом Ароновичем Лapidусом, который в то время заведовал аналогичной кафедрой в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков (МГПИИЯ) им. М. Горького и одновременно был главным редактором журнала «Иностранные языки в высшей школе».

Однажды он пригласил меня к себе на кафедру, чтобы обговорить методические проблемы второго иностранного языка. Это может показаться странным, но и с ним я очень подружился. Это я могу подтвердить двумя фактами.

По методике второго иностранного языка на тот момент не было ни одного доктора наук, ни одного профессора и ни одной монографии. Борис Аронович был первым, то есть пионером, закрывавшим эту лакуну. И когда он написал свою докторскую диссертацию «Обучение второму иностранному языку как специаль-

ности» (Москва, 1980), он обратился ко мне как заведующему кафедрой второго иностранного языка с просьбой ее обсудить в нашем институте и дать на нее заключение.

Диссертацию Б. А. Лapidуса мы на кафедре изучили, и Борис Аронович приехал на ее обсуждение. Он тогда уже был очень известен в нашей стране, и все преподаватели кафедры знали его работы и пользовались его советами и рекомендациями в преподавании второго иностранного языка. Приезд Б. А. Лapidуса как известного методиста в области преподавания иностранного языка стал большим событием не только для пединститута, но и для других вузов города.

Обсуждение было долгим и жарким (был конец июня, когда в Волгограде жара зашкаливала за +35 градусов). Диссертация Б. А. Лapidуса была очень интересная, конечно же, мы рекомендовали ее к защите, которая позже в Москве прошла успешно.

От многочисленных встреч с Борисом Ароновичем (я также неоднократно бывал у него в гостях) я почерпнул много знаний о методической стороне подготовки искусственных билингов.

Еще одним свидетельством наших хороших отношений с Борисом Ароновичем Лapidусом было то, что он рекомендовал меня на должность заместителя Председателя Методического Совета по второму иностранному языку при Министерстве Просвещения (МП) СССР. Благодаря Борису Ароновичу Лapidусу я познакомился с профессором А. А. Миролюбовым — известнейшим методистом в стране и за рубежом, с тогда еще находящейся на пути к известности Н. В. Баграмовой, профессором С. Ф. Шатиловым, профессором П. Б. Гурвичем. Эти

ученые помогли в становлении моей дидактической компетенции.

Никогда не забуду Ереван 1981 г., где мы проводили Всесоюзную научно-практическую конференцию по теории и практике преподавания второго иностранного языка. А. А. Миролюбов, Б. А. Лapidус, Н. В. Баграмова и я почти всю ночь накануне открытия конференции в гостиничном номере готовили резолюцию этой конференции. Тогда я воочию убедился в высочайшей профессиональной и человеческой компетенции А. А. Миролюбова и Б. А. Лapidуса. Для меня это была школа высочайшего мастерства. Фактически, это был мастер-класс того времени, brain-storm по общей методике иностранного языка. Конференция прошла успешно благодаря их необыкновенному методическому и организаторскому таланту.

После этой конференции, на которой присутствовало более двухсот преподавателей второго иностранного языка, все заведующие кафедрами второго иностранного языка, значительно возрос интерес во всех вузах к иностранному языку, как второй специальности.

Борис Аронович удивительно работал с чужими текстами (я подозреваю, что он так же работал и со своими собственными, потому что на выходе все его статьи, книги и учебники были безупречны по языку и стилю, логике и содержанию). Лично мне (и, как я потом позже узнал, со всеми своими прочими аспирантами и коллегами он поступал точно так же) он возвращал мою первую статью для журнала «Иностранные языки в высшей школе» пять раз, делая после каждой моей перепечатки (на машинке!) всё новые и новые замечания.

После его пятого возврата моей рукописи я не выдержал и в резкой форме напомнил ему анекдот про то,

как один владелец любимой собаки, желая укоротить ей хвост (так требовала ее порода), делал пять обрезаний хвоста, так как думал, что отрезать сразу большую часть будет ей очень больно. Я отказался наотрез исправлять статью в шестой раз и написал ему я: «Почему бы сразу не сделать все замечания по статье, а не выискивать при каждом новом прочтении после очередной переделки всё новые и новые недостатки?». В категоричной форме я ему заявил: «Или Вы берете статью, или я ее в „Иностранных языках в высшей школе“ печатать не буду». А статья называлась «О комплексном подходе к эмоциональности». И это было началом моей работы над докторской диссертацией. Удивительно, но Борис Аронович всё стерпел беззвучно, и статья моя в пятой редакции была опубликована. С этой чертой Б. А. Лapidуса я сталкивался и позже — уступать, когда партнер уже по чернел, позеленел и кипел от возмущения.

О нашей работе с ним в комиссии по иностранным языкам МП СССР можно написать отдельную книгу. Это была очень плодотворная работа, и тогда МП уделяло очень большое внимание иностранному языку как второй специальности. Увы, не так, как ныне.

Великий и мудрый
профессор
Геннадий Владимирович
Колшанский

Моя первая встреча с Геннадием Владимировичем Колшанским произошла в МГПИИЯ им. М. Тореца, когда я там был в первый раз на факультете повышения квалификации (ФПК) в конце 1970-х гг.

В большой светлой аудитории он читал лекцию по общему языкознанию. Высокий, слегка лысоватый, с крупными чертами лица, с не очень внятной дикцией (некоторые части предложений он скороговорил), Геннадий Владимирович произвел на меня двойственное впечатление. С одной стороны, я знал, что он в то время был проректором по науке и по его инициативе в этом вузе часто проводились всесоюзные конференции. Он слыл большим и талантливым ученым. С другой стороны, на многие вопросы из лекционного зала он не мог дать понятных нам ответов. В ряде случаев он прямо заявлял, что это слишком сложный вопрос для обсуждения здесь, и чуть ли не намекал, что мы всё равно ничего не поймем. Поэтому первое впечатление о нем как

о лекторе у меня было не очень приятное. От многих вопросов он просто отмахнулся вообще. Мои попытки подойти к нему после с вопросами не увенчались успехом. Я уже не помню точно, что он мне сказал, но у меня остался от этого контакта осадок неудовлетворенности.

Но когда я начал читать его работы (статьи и книги), я поразился простоте языка, глубине мыслей и громадному объему их содержательности. Его «Паралингвистика» (1974) произвела фурор среди лингвистов СССР, потому что он стал первым, кто обобщил зарубежные теоретические работы по этой проблеме и запустил слово «паралингвистика» в научный обиход отечественного языкознания. Он также был первым, кто поднял вопросы той науки, имя которой «коммуникативистика». Геннадий Владимирович был монистом и признавал только единственную функцию языка — коммуникативную. Мне этот подход очень нравился, хотя я сам занимался уже эмотивной функцией языка, считая ее частью коммуникативной.

Мне посчастливилось участвовать в конференции по проблеме коммуникативных единиц языка. Это было задолго до рождения самой науки коммуникативистики. Геннадий Владимирович еще в 1970-е годы, предвосхищая новое направление в лингвистике, говорил о необходимости анализировать коммуникативную сущность слова, а не только его фонетическую и морфологическую упаковку.

При Геннадии Владимировиче Колшанском в его вузе прошла конференция по проблемам лексико-семантической системы языка, на которой, по сути, было объявлено о завершении этой научной парадигмы. Проблеме лексико-семантических групп в то время почти

вся советская лингвистика считала достаточно разработанной, и было предложено прекратить дальнейшую ее разработку.

Время от времени я встречал Геннадия Владимировича в Институте языкознания АН СССР, когда я выполнял там свою докторскую диссертацию. Он был членом докторского Диссертационного Совета и каждый раз, когда приезжал на защиты, он поднимался в сектор теоретического языкознания. Именно там, на третьем этаже, когда он (уже очень больной), приехал в последний раз на заседание Диссертационного Совета, к нему подвела меня В. Н. Телия и представила как своего докторанта.

Конечно же, со времен нашей встречи на ФПК. Геннадий Владимирович не помнил меня и моих попыток задать ему вопросы. Геннадий Владимирович сидел на перилах лестницы, бледный и очень слабый. В. Н. Телия вкратце рассказала ему о сути моей работы и сказала, что мы ищем хорошее название для ее темы. Геннадий Владимирович немного подумал и, глядя на меня, сказал: «Так Вы же занимаетесь категоризацией эмоций средствами языка». Вероника Николаевна чуть не подпрыгнула от удовольствия. В то время слово «категоризация» только начинало входить в научный обиход нашей лингвистики. Мне это название тоже очень понравилось. Так, благодаря Геннадию Владимировичу и стала называться моя докторская диссертация. Это название сразу было принято академиком Борисом Александровичем Серебренниковым и тут же утверждено на заседании сектора теоретического языкознания. Диссертация была рекомендована к защите осенью 1988 г.

Большое научное влияние на мою докторскую диссертацию оказала книга Г. В. Колшанского «Субъективный фактор в языке», так как эмоциональность является самым субъективным человеческим фактором, и эта мысль красной нитью проходит в данной книге Г. В. Колшанского. В своих работах я часто ссылался на эти и другие книги Г. В. Колшанского, в которых он, повторяюсь, одним из первых настаивал на коммуникативной сущности языка и говорил о коммуникативной структуре текста. Все его теоретические положения легли в основу современной коммуникативистики и многих моих работ.

Демократичный,
остроумный, гениальный
академик

**Борис Александрович
Серебренников**

Академика Бориса Александровича Серебренникова я знал задолго до нашей встречи по его фундаментальным трудам. Прежде всего это «Философские проблемы языкознания», которые я долго «грыз» на нашем факультетском методологическом семинаре со своими коллегами. Потом стал выходить пятитомник «Человеческий фактор в языке» под его редакцией. У меня даже была возможность в четвертом томе этой серии «Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности» опубликоваться, так как Борис Александрович выделил мне в этом томе два печатных листа, чтобы я представил свою концепцию экспрессивности. Но моя до сих пор любимая В. Н. Телия, которая отвечала за этот выпуск, не взяла мою статью, так как наши концепции экспрессивности не совпадали.

Знакомство с Борисом Александровичем началось благодаря И. Р. Гальперину (см. о нем ниже), который

позвонил Борису Александровичу при мне и спросил у него, знает ли он, что такое эмотивность. Академик Б. А. Серебренников сказал: «Нет, не знаю». И. Р. Гальперин пояснил ему, что я написал докторскую работу про эмотивность, на что Борис Александрович ответил: «Вот пусть Шаховский приедет к нам в сектор и расскажет про свою эмотивность». И назначил мне время встречи.

Когда я приехал в Институт языкознания и вошел в его тесный кабинет с одним окошком, я увидел коренастого седовласого академика, с которым мне предстояло некоторое время довольно часто встречаться.

Мое выступление в секторе было выслушано с интересом и вниманием. Многие задали мне вопросы, на некоторые из которых я тогда не смог ответить, но Б. А. Серебренников сказал: «Работа интересная. По такой теме у нас диссертаций не было. Дорбатывайте и приезжайте к нам защищаться». Фактически это было официальное приглашение к защите в Институте языкознания. Тут же моим научным консультантом была назначена В. Н. Телия.

Не сразу, а несколько позже я всё-таки понял, почему я не смог ответить на вопросы А. А. Уфимцевой, Н. Д. Арутюновой: у меня не было никакой научной школы, поскольку я абсолютный самоучка, и уж тем более я не принадлежал школе этого сектора. На это мне с мягкой твердостью указала Е. С. Кубрякова: «Вы пришли защищаться в нашей научной школе, а не владеете нашей терминологией, нашим пониманием тех или иных языковых явлений. Вам надо нас всех почитать и отразить это в своей диссертации». Читая работы ученых этого сектора, я, наконец, понял, что значит ИХ школа.

Когда я бывал в секторе и слушал разговоры этих ученых друг с другом, или когда присутствовал на обсуждениях нескольких диссертаций, я обратил внимание на большую демократичность Бориса Александровича. Он позволял высказывать любые мнения, очень часто не соглашался с учеными сектора, а они — с ним. У него я учился терпимому отношению к иным мнениям. И всю свою научную жизнь во время работы в Волгоградском государственном педагогическом университете (ВГПУ) я придерживался этого правила академика Б. А. Серебренникова.

И это не единственное, чему я у него научился. Борис Александрович руководил женским научным коллективом. Каждая из женщин здесь была величайшей личностью, и ему было нелегко с ними совладать. При этом их характеры были абсолютно разными. И при внешнем проявлении этих различий ему удавалось укреплять коллектив, который возглавлял всю лингвистическую теоретическую мысль великой страны. Этому я тоже учился у него, так как в течение тридцати лет руковожу женским коллективом вузовских ученых.

Интересно, что Борис Александрович никаких подарков не принимал ни от кого. Когда он заболел и находился в больнице Академии Наук, я решил его там навестить перед своей защитой. Его жена, академик Н. З. Гаджиева, на мой вопрос, что можно принести Борису Александровичу в больницу, сказала мне: «Ничего не носите. Он ничего не возьмет. А если Вы хотите сделать ему что-нибудь приятное, то подарите ему какую-нибудь ручку. Он обожает писать каждый раз новыми ручками». И когда я принес ему новую ручку, я увидел, что он действительно обрадовался ей. Он поразил меня своей скромностью.

На моей защите Бориса Александровича не было: он из больницы так и не вышел. Поэтому хорошо, что я посетил его ранее. Это была моя последняя встреча с этим великим человеком и лингвистом — крупнейшим специалистом в области философии языка, тюркологии и общего языкознания.

Встречи с авторами
вузовского учебника:
доцент

**Розалия Семеновна
Гинзбург**

и доцент

**Сара Соломоновна
Хидекель**

Розалия Семёновна Гинзбург была мне известна еще со студенческих лет по ее учебнику «Лексикология английского языка». Этот учебник, в отличие от учебника И. Р. Гальперина, был написан доступным для студента языком и потому был очень популярен. Одним из соавторов этого учебника была Сара Соломоновна Хидекель.

С этими учеными я познакомился, когда в первый раз обучался на ФПК в МГПИИЯ им. М. Тореца. Обе они читали лекции для слушателей ФПК по английской лексикологии. Они же вели для своих аспирантов научный семинар, о котором я узнал и который я попросил разрешения посещать. Впоследствии идею такого семинара я реализовал на своем факультете. Такой семинар работает до сих пор и не только на кафедре языкознания.

В лекциях Розалии Семёновны меня удивили две вещи: 1. Она читала лекции, держа в руке не листы с их текстами, а какие-то небольшие карточки, на которых, как я позже узнал, был всего лишь план лекции и примеры. 2. Свободное владение любой аудиторией: ФПКашная аудитория включала дипломированных и недипломированных вузовских преподавателей и студентов. Это значило, что Розалия Семёновна хорошо знала свой предмет, но, тем не менее, готовилась к каждой встрече с нами.

Когда в 1978 г. я пригласил Розалию Семёновну в Волгоград на наш факультет прочитать лекции по языкознанию для преподавателей и лекции по стилистике для студентов, первое, что она запросила у меня на ночь перед встречей с факультетом, это пачку чистых карточек, которых у меня не оказалось. Розалия Семёновна была этому очень удивлена и порекомендовала мне взять их для нее у других преподавателей. Увы, ни у кого из наших преподавателей карточек не было. Мы ими не пользовались. Мне было очень неудобно перед Розалией Семёновной. Я вернулся из гостиницы на кафедру и нарезал из чистой бумаги квадратики а-ля карточки.

С тех пор использование карточек я тоже взял на вооружение. И когда возвратился с ФПК, тоже читал лекции, держа в руках каталожные карточки, на обороте которых были ключевые слова, определения, примеры. Этот прием позволил мне улучшить зрительный контакт со студентами во время лекций и дал возможность варьировать их содержание.

Приезд такой величины в Волгоград (а Розалия Семёновна была первая, кого я пригласил в наш вуз; позже к нам приезжали В. В. Бурлакова, Г. И. Богин, С. С. Хидекель, Г. С. Клычков и др.) был большим научным собы-

тием: это был первый «живой» автор вузовского учебника, по которому в то время училась вся страна. И поскольку я читал данный предмет нашим студентам, то я с особым удовольствием представил Розалию Семёновну на очередной из своих лекций.

Во время своего обучения на ФПК в МГПИИЯ я посещал семинарские занятия по лексикологии у Розалии Семёновны. Она еще раз удивила меня своей методической оригинальностью. Ни Розалия Семёновна, ни ее студенты в тот день меня на занятия не ждали. Мой приход был неожиданным и, как выяснилось через две минуты, ни один из студентов к занятию не был готов. Розалия Семёновна быстро нашла из этой ситуации выход: она превратила неподготовленное студентами занятие в интересный диалог. Она попросила студентов открыть конспект ее лекций на данную тему, а у кого не было конспекта, — свой учебник, и вопросно-ответным методом через фронтальную работу реконструировала кое-какие знания студентов. Тем самым она заставила работать всю группу, и к концу занятия студенты уже были знакомы с необходимым материалом, который они не подготовили к занятию дома.

Впоследствии я тоже пользовался этим методом: не упрекать студентов в их неподготовленности, не обвинять их в лени, не переносить и не отменять занятие, а в совместной работе вложить им необходимые знания по конкретной теме. И всё это в спокойной, дружеской обстановке — толерантной и в высшей степени педагогичной.

Отдельно хочется упомянуть совершенно незабываемые научные семинары с аспирантами, которые проводили Розалия Семёновна и Сара Соломоновна объе-

диненно. Во-первых, они проводились дома у Розалии Семёновны. Отсюда и атмосфера — с одной стороны, не академическая, поскольку занятия проходили не в вузе, а в домашней обстановке, а с другой стороны, с необыкновенной строгостью со стороны обоих руководителей. Поэтому все аспиранты были тщательно подготовлены к довольно критическому анализу всех работ, которые обсуждались на семинарах. Именно там я увидел, как их аспиранты придирчиво и скрупулезно реферировали чужие работы (это я тоже перенял позже для работы со своими аспирантами).

На всю страну среди лингвистов было известно высокое качество кандидатских диссертаций, которые защищались в Диссертационном Совете МГПИИЯ, и прежде всего диссертации, выпускавшиеся с этого семинара. Я свидетельствую справедливость этого мнения. Это были действительно образцовые работы. И многие аспиранты, защитившие в этом вузе кандидатские диссертации, на сегодняшний день являются докторами наук. Семинары Р. С. Гинзбург и С. С. Хидекель были научной школой высочайшей пробы.

Поставили такую пробу однажды и на мне. Розалия Семёновна попросила меня выступить на ее семинаре. Я к тому времени был уже давно доцентом, у меня было много опубликованных работ по проблеме эмоциональности и экспрессивности языка, и я, не очень сильно готовясь, явился на семинар. В комнате присутствовало более 20 аспирантов и, естественно, их научные руководители — Розалия Семёновна и Сара Соломоновна.

Мне дали 30 минут, я бойко зачитал текст своего выступления и, когда закончил, Розалия Семёновна предложила аспирантам задать мне вопросы. При этом она

спросила меня, как я буду отвечать: ответ на вопрос или я выслушаю все вопросы и стану отвечать сразу на все. Не понимая, что я делаю, я согласился на второй вариант. К тому времени, однако, я уже знал, что ни одно обсуждение диссертации на этом семинаре не завершалось ни в первый, а иногда ни во второй и ни в третий разы благополучно. Но то были аспиранты, а я же доцент! Но и мне тоже там устроили чистилище: задали много вопросов, и все разные, требующие индивидуальных ответов. А поскольку никто из присутствующих вопросами эмоциональности и экспрессивности не занимался, то их вопросы были так далеки от этих проблем, что почти ни на один из них я ответить не смог.

Я думал, что я там умру от позора и унижения. Все эти семинары на дому у Розалии Семёновны заканчивались чаепитием, угощениями и даже танцами. В тот день мне было не до танцев, хотя меня несколько раз приглашала танцевать сама Розалия Семёновна. Видя мое убитое лицо, она, весело танцуя передо мной, сказала: «Виктор Иванович, ведь Вы же доцент, Вы должны были лучше подготовиться к встрече с моими аспирантами».

Помню, как ко мне подходила какая-то преподавательница, тоже присутствовавшая на семинаре, и успокаивала меня и просила так не переживать. После этого я несколько недель не ходил на лекции Розалии Семёновны, пока она меня не встретила как-то в коридоре вуза и не поинтересовалась, куда это я пропал. Я сослался на плохое самочувствие.

Этот урок Розалии Семёновны мне казался очень недобрый, и мои симпатии к ней уменьшились. Особенно после того, как она сказала, что это было сделано специ-

ально для учебы ее аспирантов, чтобы те не зазнавались, когда получают дипломы.

Теперь же я считаю, что Розалия Семёновна сделала правильно. И у меня нет по отношению к ней за это недоброго чувства: для меня это был хороший урок навсегда. Перед кем бы я ни выступал, я всегда накануне очень тщательно готовился, в том числе и к возможным и невозможным вопросам.

На одном из таких семинаров я познакомился с Е. С. Кубряковой. Она только что вернулась с какой-то зарубежной лингвистической конференции и в течение двух часов очень интересно рассказывала об этом.

Тогда я был знаком с ее единственной работой — «Что такое словообразование». В тот день Елена Самойловна произвела на меня очень сильное впечатление, которое я сохранил на всю свою жизнь, потому что все последующие встречи с ней только его усиливали.

Искрометная,
красивая, талантливая
профессор
Вероника Николаевна
Телия

Веронику Николаевну Телия я увидел впервые на одной из конференций в 1980-е гг.: она должна была руководить секцией. Народу в аудитории собралось много, в том числе и именно потому, что секцией должна была руководить она. К этому времени я прочитал всего лишь одну из ее работ — «Что такое фразеология» и считал ее фразеологом.

Она задерживалась к началу заседания и, можно сказать, влетела в аудиторию с группой каких-то людей. Но я видел только ее: порывистую, красивую, высокую, стройную.

Вела секцию Вероника Николаевна очень живо и остроумно. По ее комментариям к каждому докладу я понял, что я ошибся в своем мнении относительно ее узкой специализации в области русской фразеологии. Это был специалист по общему языкознанию с обширными знаниями в этой сфере.

Через некоторое время после конференции я решил написать ей письмо. В тот период я работал над разделом своей докторской диссертации, в которой исследовал явление коннотации. У меня уже было написано учебно-методическое пособие «Эмотивный компонент значения и методы его исследования» и опубликовано несколько статей, посвященных проблеме коннотации, в журнале «Тетради переводчика».

Я послал Веронике Николаевне свою методичку, книжка ее очень заинтересовала, и прежде всего тем, что там было написано о коннотации.

Я считаю, что под влиянием этого знакомства у нее родилась идея написать свою книгу о коннотативном значении лексики. Вероника Николаевна запросила у меня литературу по данному вопросу, всю, которая у меня была дома, и список книг по данной проблеме..

Во время своей поездки в Москву я встретился с Вероникой Николаевной у нее дома. И на фоне той величественности, недостижимости и даже какой-то царственности, с которой она предстала передо мной на той конференции, меня поразила ее простота, уютность, доступность у нее дома. С особым изумлением и очень сильно опешив, я наблюдал, как она в своей прихожей опустилась на колени в поисках подходящих для меня домашних тапочек (дело было зимой, и в квартире было не очень тепло). Я никогда не предполагал, что великую В. Н. Телия увижу перед собой на коленях. Она держала себя со мной как с давним если не другом, то хорошим знакомым. И это покорило меня навсегда.

С этого визита началась наша долгая, теплая, противоречивая дружба, приведшая к тому, что десять лет на-

зад она сама перешла со мной на «ты», на первое имя, и потребовала от меня того же.

В тот день мы несколько часов говорили о коннотации. Я рассказывал Веронике Николаевне всё, что я знал об этом. В тот же день мы составили план ее книги «Коннотативный аспект семантики номинативных единиц» (1986).

К моему удивлению, через два месяца Вероника Николаевна мне позвонила и спросила, скоро ли я буду в Москве. Она хотела, чтобы я первым прочитал ее новую книгу. А поскольку она уже договорилась с издательством, книгу надо было прочитать срочно. Мне пришлось читать ее целый день до глубокой ночи: я едва в ту ночь успел на метро, чтобы добраться до своей гостиницы.

В этой своей книге Вероника Николаевна использовала две мои основные работы по коннотации. И она была вторым большим ученым после Ирины Владимировны Арнольд, которая процитировала мои работы и включила их в свою монографию. А несколько позже она включила одну из них даже в первую лингвистическую энциклопедию, в которой ей поручили написать статью о коннотации. С тех пор ни одна из ее работ не выходит без упоминания моих публикаций, особенно после того, как профессор И. Р. Гальперин попросил ее стать научным консультантом по моей докторской диссертации.

Когда я привез Веронике Николаевне текст своей докторской диссертации, она собралась в Звенигород в пансионат на отдых, чтобы покататься там на лыжах. Так я узнал, что она еще и спортсменка. И я понял, почему она в такой прекрасной форме. Меня очень огорчило, что она уезжает на две недели. А это значило, что

я не скоро узнаю ее мнение о своей работе. Она это прочитала на моем лице и рассмеялась: «Разве Вы на отдыхе не занимаетесь наукой?» (к этому моменту она уже знала, что и в санаториях, и в больницах, и в выходные, и в свой отпуск я нигде не расставался со своей любимой эмотивностью). «Через неделю жду Вас в Звенигороде», — сказала она.

И через неделю рано утром я был там. Помню, как я боялся опоздать на электричку (а они туда ходили редко): мне же надо было оттуда вернуться в тот же вечер. Сотовых телефонов тогда не было, поэтому договоренность недельной давности могла просто не состояться. Я никогда не был в Звенигороде и не представлял, как искать этот пансионат. Помню солнечный морозный январский день 1987 года. Пансионат я нашел, но Вероники Николаевны в номере не было. Мне сказали, что она делает пробежку на лыжах после завтрака.

Звенигород утопал в январской зелени. Это было необыкновенно красиво: на солнце искрился снег, воздух был напоен хвоей. Мне казалось, что я попал в рай. Вскоре появилась Вероника Николаевна в красивом лыжном костюме, раскрасневшаяся. Мы поздоровались, она сняла лыжи, резво взбежала по ступенькам пансионата в холл, где оставила лыжи, и повела меня в свой номер.

Там мы сразу же сели к письменному столу. Я увидел листы своей диссертации, «распаханные и перепаханые» ее карандашом. И Вероника застрекотала (по-иному ее речь нельзя было и назвать). Она то хвалила, то бранила, то возмущалась, то сердилась, то выговаривала. То ей не нравился какой-то термин (она считала, что в моем тексте много наукообразности и требовала большей простоты, большей логики в изложении, более чет-

ких определений). То не нравилось мое понимание экспрессивности, из-за которого у нас не раз были серьезные разногласия. Тогда она была моим научным консультантом, и от нее зависело, выпустит ли меня сектор языкознания на защиту диссертации. Кстати, единого понимания экспрессивности среди лингвистов как не было, так и нет до сих пор.

Я никогда не обижался на тех, кто не признавал или критиковал мои подходы к эмотивности, коннотативности и др. И более того, когда Л. Г. Бабенко написала докторскую диссертацию по эмотивной лексике (на материале русского языка), в которой представляла иное понимание эмотивности, в ответ на ее просьбу я согласился прилететь в Свердловск и выступить оппонентом по ее докторской диссертации. Я выступал долго на защите Л. Г. Бабенко, перебрав положенный минимум для выступления: мне хотелось убедить членов Диссертационного Совета (которые, как мне сообщили перед началом заседания, были настроены против работы диссертанта) в возможности нескольких подходов к обсуждаемой в диссертации Л. Г. Бабенко проблеме.

Результаты голосования были в пользу Л. Г. Бабенко, хотя были и «черные шары». Но, как мне позже сказали сами члены совета, их было бы больше, если бы не мое выступление. А один довольно пожилой ученый (к сожалению, не помню его фамилии) после объявления результатов голосования подошел ко мне, протянул руку и сказал: «Спасибо, сынок. Наконец-то я понял, что такое эмотивность. Если бы не Вы, я бы голосовал „против“».

Повторюсь, именно благодаря Веронике Николаевне, благодаря ее реакции и ее неприятию иного взгляда на экспрессивность я всегда поддерживал и поддержи-

ваю разные точки зрения, признавая тезис Владимира Григорьевича Гака о множественности подходов к одному и тому же лингвистическому явлению.

Читая проект моей докторской диссертации, Вероника Николаевна несколько раз выговорила мне за словосочетание «буржуазная лингвистика», которую я «пощипывал» в своей работе. Никогда не забуду ее громадные возмущенные глаза, которые столкнулись в первый раз с этим словосочетанием в моем тексте и, оттолкнувшись от него, взметнулись к моим глазам. В них, еще до того, как она произнесла возмущенную тираду, я прочитал, что сейчас будет «порка». «Какая такая „буржуазная“? Нет никакой буржуазной лингвистики! Есть одна-единственная, на всех! Лингвистика! Подумай, какой критик! И нечего в лингвистике критику разводить! Наша наука субъективная, зависящая от концепции ученого, и каждый имеет право на свою точку зрения! Лишь бы он логично и непротиворечиво ее аргументировал».

С того момента я запомнил эти ее слова, и позже, сколько бы я ни читал работ В. Н. Телия, я нигде не встречал в них критики (по крайней мере резкой) ни в адрес зарубежных, ни в адрес отечественных лингвистов. И я стал следовать этому ее примеру в своих работах. Первое, что я сделал тогда, убрал всю критику из своей диссертации и очень смягчил свое отношение к ученым, чьи взгляды расходились с моими.

Однако позже я был удивлен и поражен «непоследовательностью» Вероники Николаевны, которая не включила мою статью в коллективную монографию по проблемам экспрессивности. Правда потом я понял: для нее лучше вообще не публиковать другую точку

зрения, чем ее не признавать и критиковать. И хотя В. Н. Телия не согласна с моей концепцией экспрессивности, она ее нигде открыто не критиковала, указывая лишь на иное понимание этого явления мною. Этот научно-этический урок Вероники Николаевны я усвоил сразу и навсегда. Вы не найдете в моих работах критики в адрес лингвистов-коллег по эмотивности, по крайней мере в острой форме.

Исключение составляет лишь один случай. Помню, как я ошалел от критики А. Т. Кривоносова и Р. А. Будагова в адрес нарождающейся тогда текстолингвистики. Эта критика была в открыто-неприличной форме и свидетельствовала о заносчивости обоих авторов. И если бы не тот урок В. Н. Телия, я бы, может быть, на эту критику отреагировал. Но она меня возмутила, и поэтому я с удовольствием напечатал в своей коллективной монографии «Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы» разгромную статью Юрия Александровича Сорокина о той публикации статьи Р. А. Будагова и А. Т. Кривоносова. Хотя этим я и нарушил урок В. Н. Телия, но получил удовольствие от публичной «порки» этих двух авторов, в которой, получается, принял участие. Нет, всё-таки, критика иногда нужна.

Когда вышел сборник к моему 65-летию, я подарил его В. Н. Телия. А при очередной встрече с ней опять увидел карандашные следы на полях моей статьи в этом сборнике. Но на этот раз это были следы согласия, ее принятия и удовольствия. Она похвалила меня за эту статью.

Вероника Николаевна не раз просила меня о рецензиях на ее книги. Я это с удовольствием делал, и ей они нравились. Когда она выпустила «Большой фразеоло-

гический словарь русского языка», многие годы готовившийся ею совершенно уникальный, концептуально новый тип лингвокультурологического словаря, в котором использована разработанная ею новая методика лексикографического описания с вычленением культурного кода каждой фразеологической единицы, я был в очередной раз изумлен ее талантом с бесконечными концептуальными валентностями. Она подарила мне авторский экземпляр словаря и попросила написать рецензию. Я был первый, кто написал рецензию на этот гениальный словарь. И, по словам Вероники Николаевны, она оказалась лучшей.

Чтобы прорекламирровать словарь В. Н. Телия, я опубликовал эту рецензию в Словении, Болгарии, Украине и в нескольких российских и региональных изданиях. Есть она и в электронном издании. И Вероника Николаевна не раз мне с удовольствием сообщала об огромном количестве ее интернет-читателей.

Получается, что Вероника Николаевна стала надолго моим постоянным Учителем с большой буквы, потому что, даже рецензируя ее работы, я продолжаю учиться у нее научной скрупулезности, добросовестности, глубине и другим качествам научной работы.

Мои рецензии на ее работы — это еще и форма благодарности ей за научное руководство моей докторской диссертацией, защищенной в диссертационном совете Института языкознания АН СССР.

Помню последний вечер перед защитой моей диссертации, когда мы допоздна обсуждали предстоящее выступление, мои ответы оппонентам. Была уже глубокая ночь (это был второй раз, когда я едва успевал на ночное метро), Вероника пошла меня провожать и по

дороге сказала: «Если ты сейчас мне за пять минут расскажешь всё содержание твоей работы, завтрашний успех тебе обеспечен». Я попробовал это сделать, и ей понравился мой рекорд. Она сказала: «Помни, что больше и лучше, чем ты, об эмотивности никто не знает, поэтому ты должен быть совершенно спокоен и уверен».

Всё произошло именно так, как сказала Вероника.

Очерк 9

Поэтичный,
остроумный и грозный
профессор
Илья Романович
Гальперин

С Ильёй Романовичем Гальпериным я познакомился на ФПК в МГПИИЯ лично. А до этого, конечно же, знал его учебник «Stylistics», читал многие его работы и много слышал о нем всякого-разного. Знаю, что все его очень боялись: и аспиранты, и коллеги. Он был очень острым в словах и делах, в том числе и во время защит диссертаций. Выступал он на них всегда с большим знанием дела, и поэтому вся аудитория во время его выступлений, казалось, даже не дышала. Он имел очень сильное влияние и на руководство вуза, и на коллег, и иногда бывало, что после выступления Ильи Романовича защита диссертации не была успешной.

Лекции по стилистике английского языка он читал сказочно интересно, все многочисленные примеры знал на память. Во время одной из лекций он по памяти воспроизвел все стихотворение Эдгара По «Ворон» на английском языке. Это меня не просто поразило, нет такого

слова, которым бы я мог назвать кластер эмоций, вызванных у меня этим артистическим прочтением такого длинного и сложного произведения: это было и удивление, и изумление, и восхищение, и какой-то эстетический восторг. Позже он два или три раза мне его читал вновь у себя дома и у меня на даче. Его жена Надежда Михайловна жаловалась мне не раз, что он надоедал ей этим стихотворением, ведь, чтобы его не забыть, он каждое утро, едва размежая свои веки, уже в постели начинал его читать вслух. И так каждый день, от начала и до конца (а стихотворение ведь в несколько страниц!).

Когда я написал статью об эмотивной валентности единиц языка и речи и осмелился послать ее в журнал «Вопросы языкознания» (1984), не дождавшись никакого ответа от редакции журнала, я во время своего очередного пребывания в Москве позвонил Илье Романовичу. Он пригласил меня к себе домой. Когда я приехал, он работал в своем кабинете-библиотеке. Это была отдельная комната, где от пола до потолка стояли стеллажи с научной литературой. Когда Надежда Михайловна ввела меня в его кабинет, он дописывал статью и сказал мне: «Вот, мучаюсь, пытаюсь развести значение и смысл». Илья Романович начал мне рассказывать о трудностях этой проблемы. В то время многие лингвисты пытались разграничить эти понятия. Но различие между ними так и оставалось непонятным, и многие продолжали путаться в этих терминах.

Слушать Илью Романовича было необыкновенно интересно: он говорил с собеседником как с равным, и это очень льстило. Я еле нашел паузу, чтобы спросить его, что мне делать с «Вопросами языкознания», которые уже больше года никакого ответа мне не шлют. Естественно,

экземпляр статьи я взял на всякий случай с собой. Он ее прочел и сказал, что эта статья докторского уровня, и «Вопросы языкознания» ее обязательно возьмут. Он пообещал все узнать и предложил мне позвонить завтра. Когда на следующее утро я ему позвонил, Илья Романович меня обрадовал: «Ваша статья принята и будет опубликована в № 6». И статья действительно вышла в моей собственной редакции, без всяких исправлений.

Когда вышла его монография «Текст как объект лингвистического исследования» (Москва, 1980), Илья Романович подарил мне экземпляр с теплой дарственной надписью и оттиски каждой из своих статей, предшествовавших этой монографии. Он очень удивил меня тем, что попросил меня написать рецензию на эту, ставшую в то время самой популярной в научной среде, книгу. Именно в ней Илья Романович дал определение новой научной парадигме — текстолингвистике, выработал определение текста, ставшее позже классическим, вычленил и объяснил 10 текстовых категорий.

Конечно же, я эту рецензию написал, она была опубликована в журнале «Иностранные языки в школе», и Илье Романовичу она очень понравилась. А для меня его похвала значила очень много, она воодушевила меня на завершение моей докторской диссертации. Читать мою работу он не стал, а попросил меня рассказать, о чем работа, и долго удивлялся термину «эмотивность». Слушал он меня с большим интересом, и затем сказал: «Я сейчас найду Вам консультанта-рецензента, который, наверное, сможет разобраться в Ваших дебрях».

И далее произошло нечто фантастическое. Илья Романович набрал телефонный номер М. Б. Гухман, и сказал: «Эта все знает, и она мне, наверное, объяснит, что

такое „эмотивность“ на нашем языке». Но М. Б. Гухман с изумлением переспросила его и ответила, что она впервые слышит этот термин. После нее Илья Романович позвонил Н. А. Слюсаревой. Ответ был аналогичный. После четвертого звонка, когда он убедился, что никто не знает, что это за явление в лингвистике, он посмотрел на меня с изумлением и сказал: «Это что же такое Вы тут нам понаписали, если никто не знает, что это?». И поскольку до этого я по поводу своей работы общался еще и с В. Н. Телия, я Илье Романовичу сказал, что можно переговорить с ней. Он тут же позвонил ей и сказал: «Вот тут у меня сидит Шаховский из Волгограда. Он написал какую-то странную работу про какую-то эмотивность. Ты что-нибудь про это знаешь?». Получив утвердительный ответ, Илья Романович облегченно вздохнул: «Ну, вот, и послушай его, и посмотри его работу. Может, возьмешь его в сектор на защиту». Они переговорили между собой, и В. Н. Телия назначила мне встречу. Так, благодаря Илье Романовичу у меня появился научный консультант, с которым мне предстояло довести мою докторскую диссертацию до ума.

У меня остались очень добрые и теплые воспоминания об Илье Романовиче как человеке и сложилось трепетное отношение к нему как к великому лингвисту, одному из научных титанов.

И. Р. Гальперин был человеком с большим юмором, сочинял стихи, свободно оперировал любыми текстами, делая их привлекательными и увлекательными. Приведу лишь один из многочисленных примеров его шуточного творчества. Когда вся страна праздновала 800-летие со дня рождения грузинского поэта Ш. Руставели, И. Р. Гальперина пригласили в Тбилиси, где он пробыл две не-

дели, празднуя этот юбилей. Когда мы с ним встретились в Москве, и я узнал об этой его поездке, на мой вопрос: «Где Вы были так долго?», Илья Романович ответил: «Все мы ездили в Тбилиси, / Все мы там перепились. / Шота пили, Шота ели, / Шота Руставели». Сочинил он это легко, на ходу. В нем всегда чувствовался Стилист-языковед.

Я до сих пор пользуюсь монографиями, учебниками, словарями этого ученого и рекомендую их моим ученикам. И. Р. Гальперин оставил очень богатое научное наследие и навсегда вошел в анналы мировой лингвистики. А для меня общение с И. Р. Гальпериным дало много и для души, и для сердца, и для головы.

Многоплановый,
толерантный
профессор
Владимир
Григорьевич
Гак

Конечно, Владимир Григорьевич известен прежде всего тем, что он является единственным ученым, который написал всё для студентов, изучающих французский язык. Это и словари, как французско-русские, так и русско-французские, это и учебники, как по практике, так и по теоретической грамматике французского языка, учебники по стилистике, учебные пособия по сопоставлению французского и русского языков, учебники по фонетике французского языка и даже по орфографии. По сути, им создан весь комплекс учебников по французскому языку. И он был известен не только этим, но и своими теоретическими работами, которые публиковались в журналах «Известия АН», «Вопросы языкознания», «Филологические науки», «Иностранные языки в школе».

Я знал, что В. Г. Гак заведует кафедрой французского языка в Московском городском педагогическом институте им. В. И. Ленина, здание которого располагалось на улице Пироговская. Одна из моих статей, которая должна была выйти в журнале «Иностранные языки в высшей школе», рецензировалась Владимиром Григорьевичем Гаком. Статья задерживалась, не принималась к публикации именно потому, что он не успевал оформить свой отзыв. И когда в очередной раз я приехал в Москву и зашел в редакцию этого журнала, Б. А. Липидус мне сказал, что у В. Г. Гака готова положительная рецензия на мою статью, но мне нужно съездить к нему домой, чтобы привезти рецензию в редакцию. Так я впервые познакомился с Владимиром Григорьевичем.

Он принял меня дома очень вежливо, извинился за задержку с рецензией и за то, что он не успевает сам отпечатать эту рукопись. Он объяснил мне, как добраться до административного корпуса педагогического института. Не помню уже, где отпечатал эту статью на машинке. Привез. Снова договорился, снова приехал к рецензенту. Тот ее подписал. Поехал в административный корпус пединститута, который я с трудом нашел. Там мне заверили подпись Владимира Григорьевича, и в тот же день я привез рецензию Б. А. Липидусу. Моя статья была опубликована.

Дальнейшие мои контакты с Владимиром Григорьевичем продолжались либо через телефонные звонки, либо через письма. Иногда В. Г. Гак обращался ко мне с просьбой сделать отзыв на ту или иную кандидатскую диссертацию, выполненную под его руководством.

Когда пришло время обсуждения моей докторской диссертации в секторе теоретического языкознания ИЯ

АН СССР, В. Г. Гак был назначен оппонентом по моей работе. Оппонентом его назначила академик Виктория Николаевна Ярцева, которая тогда была председателем Диссертационного Совета. Одновременно тогда она назначила оппонентом Александра Марковича Шахнарвича, который был и членом этого Диссертационного Совета, и ученым секретарем Института языкознания, а также профессора Валерию Андреевну Кухаренко из Одесского университета. Так у меня была сформирована бригада из трех ведущих лингвистов страны в качестве оппонентов по моей докторской диссертации.

Когда я сообщил об этом назначении Владимиру Григорьевичу Гаку, он попросил привезти ему диссертацию домой. Там я впервые познакомился с его женой Хосесиной (испанкой по национальности). Я был принят очень радушно.

Меня всегда очень удивляло, как московские преподаватели, профессора принимали меня — периферийного, неизвестного преподавателя из какого-то пединститута. Это было, с одной стороны, лестно, а с другой стороны, ответственно. Ведь радушный прием мне оказывался потому что так было принято, был такой стиль тогдашней московской профессуры и тех людей, о которых я пишу в данной книге.

Владимир Григорьевич провел меня сначала в гостиную и усадил в кресло, а потом предложил войти в его рабочий кабинет. Когда мы вошли туда, он шутя сказал: «Это мое „стойло“». Оно оказалось действительно стойлом, потому что там не было ни одного стула. Там был письменный стол, многочисленные полки с книгами (естественно, по лингвистике), на столе была конторка, за

которой он стоя работал. Он сам пояснил, что любит работать стоя, чтобы не испортить себе ноги «сидячкой».

У В. Г. Гака на столе было много рукописей, лежали толстые папки. Он мне показал свою библиотеку и, указав на стол, назвал какую-то французскую фамилию. Пояснил, что он с французским лексикографом Ж. Триомфом пишет словарь нового типа «Французко-русский словарь активного типа» (М.: Дрофа, 2008. 1056 с.). Новизна этого словаря заключалась в том, что в нем приводились примеры, иллюстрирующие различные употребления одного и того же слова. Этот словарь вышел большим тиражом, несколько раз переиздавался и получил хвалебную рецензию в академических журналах.

Владимир Григорьевич взял мою диссертацию, полистал ее и сказал: «Оставляйте, буду читать». Отзыв, который он дал на мою работу, был положительный. Но с ним повторилась та же ситуация, что и с рецензией на статью в «Иностранных языках в высшей школе». Владимир Григорьевич действительно был перегружен работой и не успевал оформлять все свои рукописи рецензий самостоятельно, тем более, что тогда компьютеров не было, и это всё надо было делать на машинке. Он отдал мне рукописный вариант отзыва, который я напечатал, заверил и сдал в Диссертационный Совет.

Я не могу сказать, что мы часто встречались с Владимиром Григорьевичем, но я неоднократно слушал его выступления в Институте языкознания АН на защитах диссертаций и на научных конференциях, пока я там работал над докторской диссертацией, и на различных советах. Он оппонировал диссертациям довольно часто, принимал участие во всех конференциях, которые проводились в Институте языкознания. Его выступления

всегда отличались исключительной новизной, они были выдержаны в спокойных тонах, содержали большой фактический материал, и в них всегда была теоретическая значимость. Поэтому и толерантная манера представления научных результатов, и манера общения с коллегами и со знакомыми, и ответы на вопросы вызывали у меня огромное уважение к Владимиру Григорьевичу.

Мне очень понравились две его статьи: о множественности подходов к проблемам языкознания и о лингвистической прагматике. В первой статье он доказал, что не может быть единственного решения в такой вероятностной науке, какой является языкознание, и что несколько подходов и мнений могут сосуществовать одновременно. В статье, посвященной прагматике, В. Г. Гак просто и убедительно показал, что такое прагматика. В то время долго оставалось мало понятным появившееся в 1980-х гг. слово «прагматика». Лингвистика только начинала еще свое становление, и это понятие было новым. Хотя, этот термин и в настоящее время переводится и трактуется по-разному. Кто-то опирается на греческий вариант и переводит это слово как «воздействие», кто-то опирается на древние источники и переводит его как «имя».

К юбилею В. Г. Гака готовился специальный сборник, для участия в котором был приглашен и я. Мне написала об этом его жена Хосесина. Все очень ждали выхода этого сборника, ждали юбилея, планировали приехать на него и принять участие в юбилейной конференции. Но Владимира Григорьевича неожиданно не стало.

Этот сборник вышел только через три года после его смерти под названием «Язык и действительность» (Москва, 2007.). Несколько раньше, к счастью, вышло фун-

даментальное издание самых значительных работ В. Г. Гака в виде солидной монографии под названием «Языковые преобразования» (1998). И эта монография, и сборник статей, посвященные В. Г. Гаку, являются достойной памятью и благодарностью этому выдающемуся лингвисту-теоретику, практику — лексикографу и дидакту.

У меня остались очень добрые и теплые воспоминания о Владимире Григорьевиче. Я горжусь тем, что его жена Хосесина и после его смерти общалась со мной через письма, в которых она упоминала, что Владимир Григорьевич отзывался обо мне всегда очень хорошо.

Учитывая многогранную теоретическую и практическую деятельность В. Г. Гака, не вызывает сомнения то, что его труды будут долго и активно использоваться в диссертационных работах и в учебном процессе. Я хотел бы поблагодарить судьбу за встречу с этим великим ученым, который оказал на меня доброе влияние. В. Г. Гак говорил, что ученый не должен заниматься написанием только теоретических статей, он должен заниматься и практикой, должен расширять свой кругозор, много читать. Все это было видно и из самих работ Владимира Григорьевича.

Старый верный друг,
профессор
Карл Хайнц
Хенкст

В начале 70-х гг. прошлого века между моим вузом и Педагогической высшей школой города Цвиккау (ГДР) был заключен договор о сотрудничестве по обмену студентами и преподавателями. Для заключения этого договора в Волгоград приехал директор этой школы — профессор Карл Хайнц Хенкст. Так я впервые встретился и познакомился с этим лингвистом, директором института, немцем, в совершенстве владевшим русским языком.

Высокий, белолицый, голубоглазый, элегантно одетый, он сразу же вызвал у меня симпатию и уважение. Эта симпатия оказалась, к счастью, взаимной, и уже через год я был приглашен профессором Хенкстом в Цвиккау в качестве руководителя педагогической практики студентов англо-немецкого отделения, у которых немецкий язык был второй специальностью. В то время я заведовал кафедрой второго иностранного языка, и именно

эта кафедра осуществляла обучение студентов немецкому языку.

Это была прекрасная идея — стажировать будущих учителей немецкого языка в стране этого языка. Правда, стажировка длилась всего один месяц, но это была существенная «добавка» к практике немецкого языка, которой так недоставало в учебном плане будущего учителя иностранного языка.

Профессор Хенкст принял нас в своем кабинете в первое же утро прибытия в Цвиккау, и я сразу же узнал его как прекрасного организатора вверенного ему вуза. Мы многократно встречались с ним по разным вопросам организации и стажировки наших студентов. Я убедился тогда, и убеждался позже, во время его следующих приездов в Волгоград, когда он начал бывать у меня дома (а это было не раз) один и со своей женой Бригиттой и с дочерью Утой, в его огромной любви к России, к русским людям и к русскому языку.

Наши факультетские сборники неоднократно публиковали его научные статьи на русском языке. Сферой его научных интересов была ономастика, поэтому профессор Хенкст почти ежегодно в течение десяти лет приезжал на научные конференции «Ономастика Поволжья».

Другим его научным интересом были специальные тексты. Он выпустил монографию по текстолингвистике, посвященную этой проблеме, но она не была переведена на русский язык. Все его русские статьи проходили через меня как редактора или члена редколлегии нашей лингвистической серии «Исследования по романо-германскому языкознанию». Меня всегда поражала глубина его знаний русского языка: он никогда не делал ни одной орфографической или грамматической ошибки.

Его любовь к русскому языку была настолько заразительна для лингвистов тогдашней Восточной Германии, что этот язык был чрезвычайно популярен и преподавался тогда во многих средних и высших заведениях ГДР.

Карл Хайнц Хенкст неоднократно проводил конференции немцев-русистов, и не только в Цвиккау, но и в Лейпциге и в других городах ГДР. Мне лично посчастливилось принять участие с научным докладом в одной из конференций в Нойбранденбурге.

Никогда не забуду шестичасовой поездки с юга на самый север Германии с профессором Хенкстом в его машине. Его любовь к России выражалась даже в том, что у него был советский автомобиль, синий «Жигуленок», которым он очень гордился и который очень ценил. Шесть часов туда и шесть часов обратно вдвоем на его авто были заполнены разговорами на бесчисленные темы, включая и личные.

Никогда не забуду эпизод, когда мой друг отвез меня на кладбище автомобилей. Во-первых, я впервые в жизни увидел кладбище автомобилей, во-вторых, многие из них были заправлены бензином, и даже зажигательные ключи торчали в их кабинах. Я этому был очень удивлен и удивился еще больше, когда Карл Хайнц Хенкст, который к тому времени уже просил называть его Чарльзом, сказал мне шутливо: «Выбирай любой и можешь ехать на нем в Россию, на границе только нужно будет заплатить одну марку». Это был общенародный авто, с которого начинали практически все немцы и их дети: пластмассовая коробка на четырех колесах, очень практичный и доступный «Graband».

На конференцию в Нойбранденбурге собралось более ста двадцати преподавателей русского языка из ГДР

и несколько человек из ФРГ. Я лично убедился, каким громадным авторитетом пользовался уже ставший тогда моим другом профессор Хенкст. Его исключительная вежливость, мягкость, терпимость, компетентность в практической и теоретической русистике покоряли всех.

Вновь и вновь меня поражало его глубокое и тонкое знание моего родного, любимого русского языка. Поражало меня также и то, что, когда я начинал критиковать наши советские порядки и жаловаться на нашу социальную необустроенность, мой друг горячо мне возражал и доказывал, что я неправ, защищая советский строй и жизнь людей в СССР. Он говорил о нашем природном богатстве, о наших необъятных просторах, о нашем чистом воздухе и натуральной здоровой пище. Оправдывал он и политическую систему, и деятельность нашего правительства. И это единственное, в чем мы расходились с ним во мнениях. Тогда мне было странно, что он так критиковал русских, которые не ценят того, что имеют в своей стране.

Карл Хенкст был всегда щедр и на угощения, когда я бывал у него дома, и на подарки, с которыми я уезжал из ГДР. Один из них, которому более тридцати пяти лет, всегда со мной. Это складной нож в кожаном чехле, длинный, узкий, стальной, с вилочкой и консервооткрывателем, на котором на немецком языке выбито «VEB Schlacht — und Verarbeitungsbetrieb Zwickau». Этот набор сопровождал меня во всех моих поездках, конференциях и т. п., и до сих пор сопровождает.

Карл Хенкст приглашал меня четыре раза в свой вуз для чтения лекций по стилистике и лексикологии английского языка для немцев-студентов — будущих учителей английского языка. У меня осталось очень много приятных воспоминаний о его студентах и коллегах.

Карл Хенкст обладал большим юмором и уже при первом нашем знакомстве в Цвиккау представил себя так: «Товарищ Жеребцов» (слово «Henkst» переводится на русский язык как «жеребец»). Пытался он найти что-нибудь смешное и в переводе моей фамилии, но у него ничего не вышло, и тогда он просто стал меня называть поляком Шаховским, хотя я ему доказывал, что я хохол.

Он несколько раз посетил мои лекции. Они ему понравились. И когда он меня пригласил в третий раз, то попросил прочитать лекции по общему языкознанию для его аспирантов и заодно проконсультировать их по темам научных исследований. Мне, в свою очередь, нравилась методика его работы с аспирантами.

Помню, как мне очень польстило его официальное обращение ко мне на каком-то общем собрании педколлектива: я в то время был кандидатом наук и доцентом, но он назвал меня «доктор Шаховский». Теперь, когда я действительно доктор наук, я лучше понимаю, что такое лингвистический термин «валёр». «Доктор» в устах Хенкста десятикратно больше значило для меня, чем теперешнее «доктор наук». А у них всех кандидатов наук называют докторами. Это я также узнал от профессора Хенкста.

Последний раз профессор Хенкст пригласил меня читать лекции, но уже не в Цвиккау, а в Хемниц, в технический университет на философский факультет, куда перевелась высшая педагогическая школа в новой форме в связи с объединением Германии. Это была наша последняя встреча, и жил он уже в другом городе. Потом профессор Хенкст перевелся в Лейпцигский университет, где продолжал заниматься славистикой, и значит, русистикой, хотя новые власти программу по русскому языку сразу же редуцировали по всей стране.

Профессора Хенкста я тоже считаю научным титаном. Его плечи помогли мне увидеть горизонты лингвистики в зарубежье и из зарубежья, повысили мою компетенцию в лингвокультурологии и текстолингвистике и дали мне еще несколько ориентиров для самообразования, в том числе и человеческого. Я очень благодарен Карлу-Чарльзу Хенксту за теплую долгую дружбу и за расширение моего научного и педагогического кругозора.

Очаровательная,
остроумная, добрейшая
профессор
Валерия Андреевна
Кухаренко

Иркутск, февраль 1967 года. Я московский аспирант, впервые в своей жизни получил оплачиваемую командировку на научную конференцию, да еще в такую даль. Там я впервые встретился с Валерией Андреевной Кухаренко, которая выступила на пленарном заседании с блестящим докладом. Она в то время завершала свою докторскую диссертацию, посвященную синтаксической стилистике Э. Хемингуэя. Весь зал был очарован ее ораторским искусством, логикой ее аргументации, необычным комментированием иллюстративного материала. Мы тогда много узнали нового о стиле произведений и жизни Хемингуэя. Вопросов было много, и на все Валерия Андреевна отвечала упоенно. Было видно, что она влюблена в свою тему и в этого автора.

Меня очаровала и сама внешность Валерии Андреевны: это была маленькая, хрупкая, очень симпатичная

и энергичная женщина. И во время своего выступления, и в прениях по другим докладам, и на культурном мероприятии (в автобусной поездке на Байкал) — везде Валерия Андреевна была центром притяжения всеобщего интереса. Прежде всего своим неиссякаемым остроумием, жизнерадостностью и какой-то теплой энергетикой, которой она согревала всех конферентов в жгучий иркутский мороз.

Следующая моя встреча с Валерией Андреевной была совершенно неожиданной: мы столкнулись с ней на входе в читальный зал № 3 библиотеки им. В. И. Ленина. Она со стопкой книг выходила из него, а я с не меньшей стопкой книг входил. Мы сделали один шаг в сторону от входа, но со стопками книг в руках неудобно было разговаривать. Мне было очень приятно, что она меня узнала и приветливо, добро улыбнулась. Мы пошутили что-то о тяжести нашей науки и разошлись в противоположные стороны. Валерия Андреевна пошла к стойке сдавать свою стопку книг, а я вошел в огромный, для меня царственный и таинственный научный зал и стал искать свободное место. Это всегда было проблемой, так как этот зал был самый светлый, красивый и удобный, и в нем почти никогда не было свободных мест, если читатель оказывался там после десяти часов утра. Свободное место я, наконец, нашел. Поставил свою стопку книг, сел... и некоторое время не мог работать — встреча с В. А. Кухаренко ослепила меня. Я вдруг почувствовал, что я в нее влюблен.

Следующая наша встреча произошла в Орджоникидзе на Всесоюзной лингвистической конференции, где Валерия Андреевна также выступала на пленарном заседании, а я — на секционном. Я уже был кандидатом

наук и доцентом, а Валерия Андреевна недавно защитила свою докторскую диссертацию.

Не помню уже, как получилось, но в студенческой аудитории, в которой слушались доклады, я оказался сидящим рядом с Валерией Андреевной. Когда она выступала с докладом, меня удивила ее трактовка стилистического значения слова. Сейчас я уже не помню деталей, помню только, что это была другая формулировка ее же собственного определения, данного два года назад, которое я хорошо помнил тогда. Я не вытерпел и поднял руку, чтобы задать ей вопрос. Напомнил ей предыдущую формулировку и обратил внимание Валерии Андреевны на то, что теперь она дает другое определение. Я был искренен в своем вопросе и недоумевал, как она выйдет из такой щекотливой ситуации. Весь зал замер: это ловушка. Но Валерия Андреевна улыбнулась и ответила совсем неожиданно: «Я расту и меняюсь, меняются понимания и их формулировки. Никакого противоречия в моих формулировках нет. Это развитие и уточнение научной мысли». Я был сражен наповал. Тогда еще не было статьи В. Г. Гака о множественности подходов к решению лингвистических проблем, но я тогда уже помнил мнение Анны Вежбицкой о том, что все определения вредны. А. Вежбицкая считала, что они омертвляют явления, загоняют сущности в прокрустово ложе и останавливают движение мысли. Зал аплодировал выступлению Валерии Андреевны — ей единственной.

На этой конференции в Орджоникидзе мы немножко сблизились и после этого стали время от времени переписываться и обмениваться публикациями. Потом, когда она стала председателем Диссертационного Сове-

та в Одесском университете, я договорился с ней о защите ассистента своей кафедры Карасика В. И. в этом Диссертационном Совете и сопровождал его туда.

Я никогда раньше не был в Одессе, так что благодаря Валерии Андреевне и ее согласию принять диссертацию к защите я познакомился с этим сказочным городом, со знаменитой Дерibasовской, статуей Дьюка на набережной, Потёмкинской лестницей и совершенно неподражаемым зданием театра оперы и балета. Там же я познакомился с петербургским лингвистом, профессором В. В. Бурлаковой, которая оппонировала диссертации В. И. Карасика и которую я пригласил к себе на факультетский методологический семинар преподавателей.

Далее в Одессе были две знаменитые и интереснейшие конференции 1987 и 1988 гг. по проблемам текста. Текстолингвистика только зарождалась в России, и поэтому на эту конференцию собралось много народа со всех уголков великого Советского Союза. Изюминкой обеих этих конференций было то, что Валерия Андреевна организовала их на базе спортивного лагеря университета на берегу Черного моря в лесном массиве в часе езды от Одессы. Обе эти конференции дали мне множество знакомств с уже тогда известнейшими лингвистами Клычковым Г. С., Ковалёвой Л. М., Телия В. Н., Юньевым В. И., Кубряковой Е. С. и др. Там я, наконец, встретился, впервые после 1967 года, с очень дорогим для меня человеком — Денисовой Ольгой Константиновной, с которой я познакомился во время Иркутской конференции и с которой более сорока лет поддерживал дружеские отношения. Она очень много сделала для публикации моих статей, давала отзывы на мои собственные диссертации и диссертации моих аспирантов.

Там же я познакомился с большим кругом молодых парней и девушек — начинающих лингвистов, которые теперь почти все доктора наук и профессора: Пузырёвым А. В., Чудиновым А. П., Стерниным И. А., Химиком В. В., Малиновичем Ю. М., Фоминой З. Е., Бабенко Л. Г., Василевичем А. П. и др. Со многими из них я по-прежнему поддерживаю дружеские личные и научные отношения.

Сейчас я могу с твердой уверенностью сказать, что обе эти конференции, проведенные одна за другой, были тонким методологическим шагом Валерии Андреевны Кухаренко. Как выдающийся текстолог, этими двумя конференциями она «добила» окончательно А. Т. Кривоносова и Р. А. Будагова (и иже с ними), протестовавших против текстолингвистики. Эти две конференции дали мощнейший импульс для развития и упрочения позиций текстолингвистики как новой парадигмы языкознания.

Удивительно, но память хранит множество неожиданных нюансов этих конференций: и секция, которая заседала прямо в море, и торчащие из моря головы, которые докладывали свои тексты и отвечали на вопросы других торчащих из морской воды голов. Интересным было и закрытие конференции, которое прошло в шутовой стихотворной форме, с выпуском огромной стенгазеты, отразившей самые интересные ее эпизоды. Там, например, был рисунок, изображавший Е. С. Кубрякову, сидящей на стуле, поджав под себя одну ногу (в такой позе она вела все заседания своей секции и представляла свой собственный доклад на пленарном заседании). Под рисунком была надпись: «Она светила ярким светом, изящно сев на стул при этом».

По результатам конференций вышли две книги под редакцией В. А. Кухаренко. Низкий поклон Валерии Андреевне за четкую организацию этих конференций, за культурную программу, за встречу с интереснейшими лингвистами того времени, за то, что эти конференции помогли десяткам и более молодых начинающих лингвистов стать докторами наук, профессорами, известными теперь в России и за рубежом. И самое главное, что в результате этих конференций лингвистика текста получила «паспорт» новой лингвистической парадигмы, успешно развивающейся и в настоящее время.

Гостеприимство Валерии Андреевны этим не ограничивалось. Оба раза она делала гостевой прием у себя дома, в своей одесской квартире. И я горжусь тем, что среди гостей был и я.

Во время последней конференции я договорился с Валерией Андреевной о том, что она посмотрит мою докторскую диссертацию и, возможно, выступит оппонентом по ней в Институте языкознания АН СССР. Валерия Андреевна прилетела на защиту диссертации, сдала официальный текст академику В. Н. Ярцевой и, выйдя к трибуне в зале заседания Диссертационного Совета ИЯ АН СССР, сказала незабываемые для меня слова: «Ну, что тут много говорить. Давно уже всем известно, что когда мы говорим „эмотивность“, мы подразумеваем „Шаховский“, когда мы говорим „Шаховский“, мы подразумеваем „эмотивность“». Она выступала после А. М. Шахнаровича и В. Г. Гака. Честно говоря, я боялся именно ее выступления, потому что и А. М. Шахнарович, и В. Г. Гак дали мне свои отзывы заранее. Валерия Андреевна колебалась до последнего: ей не нравилось, что я предлагал новую концепцию коннотации, отлич-

ную от их с И. Р. Гальпериным. Мне всё-таки удалось ее убедить накануне защиты, что своей концепцией я не опровергаю их концепцию, а развиваю ее, при этом не критикуя (запомнил совет В. Н. Телия «Не критикуй!»).

Даже из этого короткого эссе видно, как много Валерия Андреевна сделала для моего становления в лингвистике эмоций благодаря ее многолетней поддержке, ее образцовым трудам и бережному отношению к нашей общей науке.

Первый психолингвист
в моем научном опыте —
профессор
**Александр Маркович
Шахнарович**

С Александром Марковичем Шахнаровичем я познакомился, когда готовил свою докторскую диссертацию в Институте языкознания АН СССР. Он в то время был ученым секретарем института. Это была большая должность, и к нему все относились с большим уважением. Я неоднократно был свидетелем его бесконечной доброты, ведь от него зависела судьба очень многих соискателей кандидатских и докторских диссертаций, да и благополучие самих сотрудников ИЯ и их публикаций. Ведь это он давал им и многочисленным авторам со всей страны гриф Института языкознания на их публикации. Дал он в свое время такой гриф (ИЯ РАН) и для моей докторантки Е. И. Шейгал.

Это был очень эрудированный психолингвист, много работ посвятивший детской речи. Встречались мы с ним и в Алма-Ате на Всесоюзной конференции, ездили на международный горный каток Медео. Кстати, там я по-

знакомился с Воробьевой О. П. и Кудрявцевой Л. А., которые тогда еще были доцентами украинских вузов и готовили свои докторские диссертации. Поскольку эту конференцию проводил Александр Маркович, то именно ему я благодарен за свое знакомство с этими двумя украинскими лингвистами, которое длится до сих пор: я оппонировал докторской диссертации Л. А. Кудрявцевой, работаю в редколлегии национального журнала «Русистика». А Воробьеву О. П. «заразил» своей эмотивностью, и несколько ее аспирантов написали диссертации по этой теме, на которые я с удовольствием писал отзывы.

Александр Маркович познакомил меня с великим А. А. Леонтьевым, который стал для меня еще одним знакомым психолингвистом.

А. М. Шахнарович был первый живой психолингвист, с которым я был знаком лично и который мне пояснил, чем отличается психолингвист от собственно лингвиста. И хотя он оппонировал моей диссертации как психолингвист, поскольку эмоции — психическое явление, он мне сказал: «Психолингвистом Вы все-таки не являетесь, потому что Ваш объект и предмет — лингвистика эмоций».

Помню его частые рассказы о его сыне Гришке, с которым у Александра Марковича тогда были какие-то семейные проблемы.

Я благодарен Александру Марковичу за то, что его аспирант А. Д. Палкин, конечно же, по предложению Александра Марковича, написал психолингвистическую диссертацию по эмотивности, в которой скрупулезно проанализировал мою концепцию и доказал, что моя диссертация фактически является методологией исследования эмотивности. Я тогда написал Александру Мар-

ковичу, что его аспирант помог мне самому увидеть очень многое в своей собственной работе.

Мне приятно, что мое имя идет следом за именем Александра Марковича Шахнаровича в лингвистической энциклопедии «Кто есть кто в славистике и русистике». У меня есть все работы Александра Марковича по психолингвистике. Я к ним часто обращаюсь сам и советую использовать ее своим аспирантам (например, Е. Б. Харисову, который писал диссертацию об английской детской речи). Труды Александра Марковича всегда готовы мне помочь в вопросах психолингвистики, в которой он был непревзойденным экспертом.

Психолингвист, переводовед
и близкий мне по духу человек
профессор

Юрий Александрович
Сорокин

Юрий Александрович Сорокин — это совсем необычное явление в отечественной психолингвистике. До самого своего ухода из жизни всегда старался быть незамеченным, не разъезжал по конференциям, не частил своей фамилией в академических журналах. Но время от времени, как-то совершенно неожиданно обозначался то в роли теоретика лингвистики, то переводоведа-синолога, а то вдруг совсем «из-за другого угла» — под псевдонимом Глеба Арсеньева с поэзией и мудрыми мыслями-наблюдениями. И каждый раз с оригинальными идеями и откровенной критикой того, что ему не нравилось.

Я знал о нем давно, и именно эти черты — внешняя суровость и критицизм — долго не позволяли мне приблизиться к Юрию Александровичу.

Когда я заходил в сектор психолингвистики по разным делам, он мне казался не очень приветливым и постоянно занятым человеком. Однажды, решившись про-

консультироваться у него по какому-то вопросу моей докторской диссертации, я почувствовал его неприятие моих научных взглядов, и поэтому я потом долго с ним не общался.

У него было своеобразное понимание эмоций, чувств, аффектов, эмотивности, которое не совсем совпадало с моими трактовками. И в день моей защиты в коридоре около зала заседаний Диссертационного Совета он говорил приехавшим на мою защиту, что В. И. Шаховскому будет сегодня жарко.

Через некоторое время я осмелел и обратился к нему вновь: вначале «отозваться» об одной из кандидатских диссертаций моих аспирантов, а позже пригласил в коллективную монографию «Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы» (1998).

В моей научной библиотеке есть специальная полка для всех работ Юрия Александровича Сорокина. И вот сегодня, когда я пишу эти строки, в моих руках его последняя книга, в очередной раз необычная и содержательная — «Лингвокультуральная среда: контакты и конфликты». В ней две «болевые» точки моего научного интереса — концепт и лингвоэкология. Удивительно, но Юрий Александрович уже «оттуда» полностью разделил мою точку зрения на квазиметодологичность современных исследований концепта, которые вытеснили из современной отечественной лингвистики почти все другие проблемы, и поддержал мою идею о важности и необходимости лингвоэкологических исследований.

Кстати, впервые слово «лингвоэкология» я сам использовал именно в нашей совместной с Юрием Александровичем книге «Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы», хотя эта книга была посвящена лингво-

экологической проблеме лишь косвенно. Книга открывалась статьей Юрия Александровича, содержащей критику Р. А. Будагова и А. Т. Кривоносова. Эта критика была резкой и откровенной, и ее, памятуя слова В. Н. Телия («Не критикуй!»), я пытался смягчить. Но Юрий Александрович настаивал категорически на своем варианте и грозил забрать статью из книги, если я внесу хоть какие-нибудь правки.

Так я впервые убедился в непреклонности его суждений, в их искренности. Мое сердце ликовало, потому что я сам был возмущен статьей Р. А. Будагова и А. Т. Кривоносова, ее грубостью, разносным стилем, пытавшейся закопать заживо новорожденное дитя — текстолингвистику. Практика показала не только жизнестойкость текстолингвистики, но и ее полезность и перспективность (например, эмотивная текстолингвистика как ее раздел).

Мы долго препирались с Юрием Александровичем по поводу той или иной его фразы: так я узнал, что он не любит редактирования своих работ и считает, что оно портит их. Потом я узнал, что он не любит юбилей, юбилейные сборники. И когда я пригласил его в свой юбилейный сборник, а к тому времени мы уже с ним были в тесных творческих и человеческих связях, он дал мне жесткую отповедь: «Никакие волевые усилия „остаться“ не пересиливали случайность и судьбу. И тем более ценность (предполагаемую) интеллектуального поиска, которая взвешивается без нас и не с нами. Понимаю, рынок, борьба честолюбий, стычки престижей и угодливо-льстящие голоса в придачу. Вы думаете, что если их много — они в чем-то убеждают? И что-то подтверждают / доказывают? Исследовательские усилия — это поиск смысла не только для других, но и для себя,

а также и понимание того, что этот смысл неполон, отрывочен и всегда спорен. Конечно, страх перед своим исчезновением / концом — духовным и физическим — пугает, но его не изгонишь „заговорами“».

Это очень сильный, энергетический текст. Текст, из которого можно вывести несколько заповедей для каждого ученого. И самое главное из них — не стремись сам закрепить себя в грядущей вечности. Далее — не прославляй себя. И еще — не заставляй коллег льстить тебе. Но самая интересная заповедь Ю. А. Сорокина упакована в следующей форме: «Исследовательские усилия — это поиск смысла не только для других, но и для себя, а также и понимание того, что этот смысл неполон, отрывочен и всегда спорен». Другими словами: не настаивай на полноте и конечности своего вывода. Таких выводов не бывает.

Еще одна примечательная черта Юрия Александровича — безотказность помощи в сложных ситуациях. Он неоднократно писал отзывы внешнего научного учреждения на диссертации по 19-й специальности (теории языка), защищавшиеся в нашем Диссертационном Совете. И особенно ценными его отзывы были на диссертации аспирантов из Китая, которые выполнялись в ВГПУ. Поэтому у Юрия Александровича были очень тесные связи с нашим университетом.

Последние годы, когда Юрий Александрович всё время болел, я ему часто звонил, но он никогда не жаловался ни на свои болезни, ни на свои другие неприятности, пытался говорить бодрым, жизнерадостным голосом, всегда спрашивал, что пишу. Он успел посмотреть «Гнозисную» монографию «Лингвистическая теория эмоций» и похвалил меня за нее. Это была его первая и

последняя похвала, на которые он был очень скуп всегда, считая, что похвала портит человека, особенно льстивая и незаслуженная.

Когда я узнал, что Юрия Александровича не стало, я вспомнил его отказ участвовать в моем юбилейном сборнике и написал в свой университетский журнал слова доброй памяти о нем в виде уроков Юрия Александровича мне лично, да и другим, считающим себя лингвистами. Для меня это были (и остаются на всю мою жизнь) сильные уроки Ю. А. Сорокина, который оказал воздействие на мою эмоционально-чувственно-аффективную сферу сознания и мышления.

ОЧЕРК 15

Лексиколог,
мудрая и великодушная
профессор
Ирина Владимировна
Арнольд

Ирине Владимировне Арнольд я очень благодарен за то, что она первая из советских лингвистов упомянула мою кандидатскую диссертацию в своем знаменитом вузовском учебнике «The English word». В разделе «Opposition between neutral and emotionally coloured words» она впервые показала студентам, изучающим английский язык, что помимо нейтральной лексики в словарном составе языка имеется и эмоциональная лексика. Она обратила внимание студентов и преподавателей на мою работу (*Arnold I. V. The English word. M., Progress Publishing House*).

Потом я обнаружил целый ряд сносков на мои работы в ценнейшем для молодых исследователей пособии И. В. Арнольд «Методы лингвистических исследований». Этим самым Ирина Владимировна показала, что она знает мои работы и рекомендует их молодым исследователям.

В то время мы еще не были знакомы с ней. А лично познакомились мы с Ириной Владимировной во время очередных Герценовских чтений, которые проводились в Ленинграде ежегодно в педагогическом институте им. А. И. Герцена.

Во время первого моего участия в этих чтениях, когда мы с И. И. Туранским пришли на факультет, чтобы ознакомиться с программой Чтений и подошли к большому объявлению с перечнем докладов. Игорь обратил мое внимание на то, что наши доклады стояли в одной секции рядом. Информация гласила: Шаховский В. И. (и название доклада) и ниже — Турановский И. И. (и название доклада). Игорь обиделся и сказал: «Подумай, как они тебя тут знают! Даже мою фамилию переделали под твою!». Я пригласил Ирину Владимировну подойти к этому объявлению и показал ей тот казус. Она очень смеялась.

Мне понравилось, как она слушала наши секционные доклады и как их комментировала. Это были семидесятые годы прошлого века, и она была для нас очень большим авторитетом, не только как автор учебников по лексикологии и стилистике английского языка, но и как лингвист, впервые написавший о языковых импликациях и интертекстуальности. Ирина Владимировна писала просто, понятно, с красочными иллюстрациями из художественной литературы на английском языке, показывая образцы использования иллюстрирующих примеров в качестве научного аргумента. Я старался всегда следовать этому примеру Ирины Владимировны в своих научных исследованиях и рекомендовал эту методику своим ученикам.

Никогда не забуду, как по окончании Герценовских чтений Ирина Владимировна повела всех участников в

литературный салон города Ленинграда. Так получилось, что когда она пришла и села за соседний стол, мы уже были там, и Ирина Владимировна оказалась сидящей ко мне спиной. И тут она удивила меня сразу дважды: хотя мы лично были знакомы только лишь с этих Герценовских чтений, она вдруг повернулась ко мне и очень вежливо на прекрасном английском языке сказала фразу, которую я никогда раньше не слышал и сам никогда не смог бы изобрести: «Excuse my back!». Интонацию этой фразы я не смогу передать. Она была неповторимая. И я с перепугу сказал ей: «Thank you!». Я сразу же понял, что сморозил глупость и очень смутился. Но она сделала вид, что не заметила.

Когда я прилетал в Ленинград (Санкт-Петербург) оппонировать, я обязательно звонил Ирине Владимировне. Она подписывала своей тогда уже дрожащей рукой подаренные мне ее книги.

Последний разговор с Ириной Владимировной был в то время, когда у нее вышла в издательстве «Флинта» в очень красивом переплете новая версия «Стилистики английского языка». Она прислала мне дарственный экземпляр, объяснила, как заказать это издание в библиотеку моего университета, и настаивала на том, чтобы я в этом издательстве переиздал свою монографию «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка».

Ирина Владимировна прожила долгую жизнь: она скончалась в 2010 году на сто втором году жизни.

Но я как лектор по лексикологии и стилистике английского языка, досконально знающий каждую строчку ее учебников, уверен, что ее книги еще долго будут действующими в отечественных вузах, а имя Ирины Вла-

димировны Арнольд навсегда останется в лингвистической и лингвометодической памяти потомков. И, конечно, в моей памяти. Ирина Владимировна задавала невероятно высокий «потолок» образцов для моих собственных исследований, и я все время рекомендую эти образцы Ирины Владимировны своим ученикам.

ОЧЕРК 16

Лингвофилософ
профессор
Георгий Исаевич
Богин

Словосочетание «филологическая герменевтика» я впервые услышал от Георгия Исаевича Богина на конференции в Пятигорском лингвистическом университете в конце 1970-х годов. Из его трудов я также узнал о термине «языковая личность». Видимо, по крайней мере для меня, он был первый из отечественных лингвистов, кто пустил в научный оборот словосочетание «языковая личность», а соответственно, поставил и проблему ее исследования. С этой последней проблемой как-то сразу стало все понятно, и посыпалось огромное множество статей, книг и диссертаций на эту тему, особенно после книги Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» (1987), в которой не раз делалась ссылка на работы Г. И. Богина по этой проблеме.

С филологической герменевтикой у меня дело было значительно хуже. Г. И. Богин всегда говорил о только зарождавшемся еще тогда научном направлении языковедения спокойно и вразумительно. Но я все еще долго

не понимал, что же это за проблема, какова ее единица анализа и цель.

Позже Г. И. Богин выпустил отдельную брошюру «Филологическая герменевтика» (Калинин, 1982). Я попытался заняться этой наукой, но она у меня не пошла, и, как я сейчас понимаю, не только у меня. Дальнейшего развития филологическая герменевтика, насколько мне известно, в отечественном языковедении не получила, особенно после того, как Г. И. Богин, который был главным толкователем этого научного направления, ушел из жизни.

Мне очень понравилась богинская манера ведения научной дискуссии и он сам как человек: очень спокойный, доброжелательный, простой, доступный, скромный.

Я дважды приглашал Георгия Исаевича на свой методологический семинар с лекциями и приурочивал это к его выступлениям на диссертационном совете в качестве оппонента. Г. И. Богин был прекрасный оратор и глубочайший лингвистический эрудит, поэтому у него было чему учиться молодому доценту.

Никогда не забуду одну защиту, когда к нам из Краснодара поступила очень слабая работа, а Георгий Исаевич был приглашен оппонировать по ней. Меня очень удивило его выступление, которое с громадным интересом слушал весь зал. Только по отдельным наметкам я узнавал, что речь идет о защищаемой диссертации. Но фактически Георгий Исаевич говорил о том, что можно было бы сделать по данной теме, и в его токовании работа приобретала очень интересный и глубокий смысл. Он сумел так проанализировать эту работу, что невозможно было отделить привезенную диссертацию от ее толкования Г. И. Богиним, которое делало эту работу вполне

диссертацией и заслуживало высокой оценки. Если бы не выступление Георгия Исаевича, я бы голосовал «против». Но он показал, что даже слабая работа может поднимать и ставить интересные перспективные проблемы, которые заслуживают научного внимания.

Это был талант настоящего ученого и гений доброты, который показал мне, что необязательно ограничиваться только критическим разбором и давать низкую оценку диссертации. Более важным является увидеть ее перспективу, потому что работа над любой научной проблемой не заканчивается написанием кандидатской диссертации.

Незадолго до своей кончины Георгий Исаевич собрал все свои мысли по новым проблемам теоретического языкознания, сумел набрать более 600 страниц 12 шрифтом через 1 интервал и переслать эту работу мне по электронной почте. По сути, этот последний труд Г. И. Богина, который так и не был пока еще издан отдельной книгой, является его научным завещанием обращать внимание на серьезные проблемы современной лингвистики и не заниматься мелкотравчатыми, банальными исследованиями, по которым сотни диссертаций можно накопать за несколько месяцев по единой модели и методике.

В моей памяти Г. И. Богин остался Лингвистом с большой буквы, влюбленным в свою науку и преданным ей. Я думаю, что это был тот самый случай, который оказал на меня такое влияние, которое мою работу превратило в хобби.

Неожиданные встречи
с профессором
Владимиром Андреевичем
Звегинцевым

С именем Владимира Андреевича Звегинцева я впервые познакомился в 1967 году благодаря его книге «Семасиология» (1957 года издания). Тогда я был московским аспирантом и писал кандидатскую диссертацию об эмоциональных элементах в языковой (суффиксальной) системе английского языка. Владимир Андреевич в своей книге утверждал, что эмоции не принадлежат языку, и поэтому язык не должен интересоваться ими. Моя кандидатская диссертация и вся последующая научная деятельность, по сути, оспаривали эту точку зрения очень маститого и всемирно известного лингвиста. Прямо я его никогда не критиковал, но на фактическом материале я доказывал обратное.

Лично встретиться с Владимиром Андреевичем мне пришлось, когда я уже завершил работу над докторской диссертацией и поехал на ФПК при МГУ на кафедру английской филологии, которую тогда возглавляла не менее, если не более, маститая Ольга Сергеевна Ахманов-

ва. Уже через неделю я понял, что мне на этой кафедре будет трудно найти время для самостоятельной работы над докторской диссертацией, поскольку Ольга Сергеевна требовала моего частого присутствия на кафедральных мероприятиях. А мне фактически нужно было лишь формальное прикрепление, для того чтобы я мог сидеть в своей комнате общежития МГУ и усиленно работать, с выездами в библиотеку им. В. И. Ленина и другие московские библиотеки (библиотеку ИНИОН, библиотеку иностранной литературы и др.).

Я знал, что этажом ниже, прямо под кабинетом О. С. Ахмановой находится кабинет проф. В. А. Звегинцева. К этому времени я знал не только его собственные работы, но и все выпуски «Новое в зарубежной лингвистике», которое он составлял и редактировал. Именно благодаря этому ученому отечественные лингвисты уже в советское время получили уникальную возможность читать лучшие зарубежные лингвистические работы, да еще и в русском переводе, что очень много значило для невладеющих иностранными языками.

Я набрался смелости и вошел в кабинет к В. А. Звегинцеву, представился, рассказал о том, чем я занимаюсь, сказал, что пытаюсь доказать тесную связь языка и эмоций и прошу разрешения перевестись с кафедры английской филологии на его кафедру для прохождения курсов повышения квалификации, а именно, для работы над своей докторской диссертацией. Честно сказал ему, что мне нужно самостоятельное время и попросил его разрешения не посещать никаких лекций преподавателей, а сидеть и писать свою работу.

Владимир Андреевич внимательно меня выслушал, одобрил направление моей работы и неожиданно для

меня удовлетворил все мои просьбы. Он попросил меня лишь написать план моей работы на период прохождения обучения на ФПК и сказал, что я могу появиться у него через 3 месяца с кратким отчетом. Меня это очень обрадовало, и я именно так и сделал: где-то за неделю до своего отъезда из Москвы я опять пришел к нему, отдал ему отчет и кратко рассказал, на каком этапе находится моя диссертация.

Эта встреча с В. А. Звегинцевым была единственной, но она произвела на меня неизгладимое впечатление его простотой, пониманием ситуации и желанием помочь именно в том, что мне было в то время нужно: предоставить свободу и время для интенсивной работы. Благодаря Владимиру Андреевичу я тогда очень сильно продвинулся в тексте своей докторской диссертации в изучении теоретической литературы. Особенно мне помогли в этом продвижении другие две его работы «Теоретическая и прикладная лингвистика» (1968) и «Язык и лингвистическая теория» (1973). Упомянутые здесь три работы В. А. Звегинцева и многие работы из его сборников «Новое в зарубежной лингвистике» я цитирую в своей диссертации.

Его помощь повысила мой интерес к его имени и к чтению его работ с большим пристрастием. В. А. Звегинцев показал мне пример взаимопонимания, поддержки и простоты в общении с молодыми исследователями. За этот пример я ему очень благодарен и стараюсь ему следовать в своей работе.

Дважды доктор наук,
академик
Алексей Алексеевич
Леонтьев

Имя Леонтьевых занимает особое место в отечественной науке: академик А. Н. Леонтьев — известнейший психолог. Его сын А. А. Леонтьев — известнейший психолингвист, Д. А. Леонтьев — тоже становится известным лингвистом.

Для меня было большим открытием то, что у человека может быть две докторские степени. Алексей Алексеевич Леонтьев является доктором психологических и филологических наук. Кроме этого много работ у А. А. Леонтьева посвящено и методике преподавания иностранных языков (например: Эмоционально-волевые процессы в овладении иностранным языком // Иностранные языки в школе. 1975. № 6). Именно под влиянием этой статьи и самой личности академика А. А. Леонтьева я написал несколько статей по методике как для журнала «Иностранные языки в школе», так и для журнала «Иностранные языки в высшей школе», а также для ряда сборников научных трудов. Именно

А. А. Леонтьев сподвигнул меня к мысли о том, что эмоциональная составляющая процесса обучения иностранному языку играет решающую роль в успешности овладения им.

Первая личная встреча с А. А. Леонтьевым произошла на одной из научных конференций, которую проводил МГПИИЯ им. М. Тореца. Я попал в секцию В. Г. Костомарова, в которой выступал с докладом и А. А. Леонтьев. Помню тесную подвальную аудиторию этого института всего на несколько мест. Секция была небольшая, и первым выступал на ней А. А. Леонтьев.

Получилось так, что он встал около стола, за которым я сидел. Нас разделяло, может быть, полметра. Я с интересом разглядывал этого великого и широко известного ученого. Он держал перед собой единственный лист бумаги, в который время от времени заглядывал чисто механически и продолжал очень плавно и медленно говорить. Конечно же, все слушали А. А. Леонтьева с огромным интересом. В какой-то из моментов он немножко развернулся к другим слушателям, буквально на секунду-две, и мне удалось заглянуть на внутреннюю сторону листа бумаги, который он держал перед собой. От изумления я на несколько секунд оглох и пропустил несколько фраз А. А. Леонтьева: лист был совершенно чист. На нем не было ни слова. Дальше я слушал его с еще большим интересом: в то время мало кто представлял свои доклады и сообщения без опоры на письменный текст, просто «из головы». Для меня тогда это было уровнем высшего пилотажа, я еще больше «зауважал» Алексея Алексеевича. После его доклада я задал ему два вопроса, и, как ни странно, позже оказалось, что он запомнил и меня, и мои вопросы.

Вторая наша встреча состоялась через несколько лет в Минске, куда я приехал оппонировать докторской диссертации В. А. Масловой. Первой среди оппонентов на ее автореферате стояла фамилия А. А. Леонтьева, и я обрадовался предстоящей встречи с ним. Защита В. А. Масловой была многолюдной. Я впервые оппонировал в Минске, поэтому был при полном параде: в черном костюме, в белой рубашке, при галстукке, несмотря на лютые морозы. В диссертационном зале тоже было холодно. А. А. Леонтьев и я сидели в разных концах зала. Но когда пришло время ему выступать, то первое, что он заявил, подойдя к трибуне, было: «Я прошу извинить меня за то, что я не по форме одет, как Виктор Иванович, т. к. я ехал в поезде и знал, что будет холодно. Я натянул на себя свитер, а сверху пиджак еще и потому, что я простужен». Весь зал к моему стыду повернулся в мою сторону посмотреть на «форму». Но эти слова были сказаны очень дружелюбно и действительно с сожалением, но я все равно чувствовал себя очень неловко за то, что я так вырядился.

Защита В. А. Масловой прошла успешно, во время банкета я подошел к А. А. Леонтьеву, я пообещал ему, что в следующий раз тоже приеду в свитере, чтобы быть похожим на него хоть в чем-то. Я пригласил его в Волгоград, где он никогда не был, хотя и не надеялся на положительный результат.

Однако через несколько лет мы встретились опять и на этот раз в Волгограде: вначале в зале научно-методической конференции преподавателей иностранного языка города и области, а потом и в моем кабинете. След от пребывания А. А. Леонтьева в моем кабинете оставался более двух недель, т. к. он прокурил его насквозь. Даже

вся мебель, книги пахли табаком его сигарет, которые он менял одну за одной без всяких пауз. Алексей Алексеевич позавидовал моему очень скромному, небольшому кабинету, сказал, что у него в Московском институте своего кабинета нет (а ведь он академик!), что в этой комнатухе несколько столов для нескольких научных сотрудников и у него там лишь свой стол. Я знал и ранее о тесноте академических институтов на примере Института языкознания и Института русского языка им. А. С. Пушкина, где я неоднократно бывал. На эту его реплику я предложил ему переехать в Волгоград и отдать мой кабинет. Конечно, это была шутка. Во время этого пребывания Алексея Алексеевича на кафедре языкознания я подарил ему несколько наших изданий и больше с ним никогда не встречался.

Все эти три встречи были очень приятные, интересные встречи с Алексеем Алексеевичем, которые оставили в моей памяти и в моем сердце полезные для меня следы.

И другие встречи...

Я был счастлив встречами не только с перечисленными выдающимися лингвистами, но также и с такими, как профессор Е. С. Кубрякова, которая читала некоторые из разделов моей докторской диссертации и сделала мне ценные замечания, улучшившие мою работу.

Долгое время дружеские отношения связывали нас с профессором В. А. Хомяковым, особенно когда он переехал в Пятигорск, а я по несколько раз в году там оппонировал диссертациям, в том числе и работам по сленгу его учеников. Я его познакомил с американским сленгистом Джеральдом Коэном, который стал присылать ему свои ежемесячные «Etymological comments». И при каждой встрече в Пятигорске мы обсуждали эти этимологические изыски Коэна. Это помогло мне в моих научных связях с профессором Ю. К. Волошиным, а также в моем научном руководстве своими аспирантами. Это всего лишь один пример того, как научные связи с большими учеными развивали меня и моих учеников.

Не могу не упомянуть наши не очень тесные, но довольно регулярные научные связи с профессорами М. В. Никитиным, Л. М. Васильевым, А. Е. Супруном. Их

работы, личные беседы с ними и переписка во многом помогли и до сих пор помогают мне в моей научно-исследовательской работе.

Конечно же, я не могу назвать всех, с кем меня сводила научная стезя, но не могу не упомянуть огромное влияние на меня работ и личностей таких лингвистов, как профессора А. А. Уфимцевой, А. В. Бондарко, Ю. В. Откупщикова, с которыми мне приходилось не раз общаться во время выполнения докторской диссертации.

Все-всем, кто так или иначе встретился на моем научном пути, я бесконечно благодарен, потому что все они, каждый по-своему, обогатили мои лингвистические познания. Мое знакомство с ними — мое теперешнее богатство и уроки человеческой лингвистики, которым я стараюсь следовать.

Послесловие

Я, возможно, не всегда точен в датах: прошло много времени, и память не все их сохранила, но описанные в этой книге эпизоды достоверны.

Если кто-то из читателей заметит какие-то погрешности, поскольку многие из этих встреч проходили «на людях», я буду благодарен за замечания и исправления.

В заключение я хотел бы поблагодарить тех, кто помог мне осуществить мою давнюю мечту — написать эту книгу. Это мои коллеги — доктор филологических наук, профессор Светлана Валентиновна Ионова, а также Наталья Геннадиевна Солодовникова и Наталья Игоревна Коробкина.

Другие книги нашего издательства:

URSS

Серия «Из лингвистического наследия В. А. Звегинцева»

- Звегинцев В. А.* Язык и лингвистическая теория.
- Звегинцев В. А.* Теоретическая и прикладная лингвистика.
- Звегинцев В. А.* Мысли о лингвистике.
- Звегинцев В. А.* Очерки по общему языкознанию.
- Звегинцев В. А.* Предложение и его отношение к языку и речи.
- Звегинцев В. А.* История арабского языкознания. Краткий очерк.

Серия «Из лингвистического наследия А. Д. Швейцера»

- Швейцер А. Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты.
- Швейцер А. Д.* Литературный английский язык в США и Англии.
- Швейцер А. Д.* Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы.
- Швейцер А. Д.* Контрастивная стилистика.

Серия «Из лингвистического наследия В. Г. Гака»

- Гак В. Г.* Беседы о французском слове.
- Гак В. Г.* Сравнительная типология французского и русского языков.
- Гак В. Г.* Русский язык в сопоставлении с французским.
- Гак В. Г.* Французская орфография.
- Гак В. Г.* Сопоставительная лексикология: На материале французск. и русского языков.
- Гак В. Г.* Языковые преобразования. Кн. 1, 2.

Серия «Из лингвистического наследия Е. А. Реферовской»

- Реферовская Е. А.* Формирование романских литературных языков. Французский язык.
- Реферовская Е. А.* Синтаксис современного французского языка.
- Реферовская Е. А.* Французский язык в Канаде.
- Реферовская Е. А.* Истоки анализма романских языков.

Серия «Из лингвистического наследия Д. Н. Шмелева»

- Шмелев Д. Н.* Современный русский язык. Лексика.
- Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики.
- Шмелев Д. Н.* Очерки по семасиологии русского языка.
- Шмелев Д. Н.* Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке.

Наши книги можно приобрести в магазинах:

Тел./факс:
+7 (499) 724-25-45
(многоканальный)

E-mail:
URSS@URSS.ru
<http://URSS.ru>

«НАУКУ — ВСЕМ!» (м. Профсоюзная, Нахимовский пр-т, 5б. Тел. (499) 724-2545)
«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 625-2457)
«Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242)
«Молодая гвардия» (м. Поляна, ул. Б. Поляна, 28. Тел. (495) 238-5001, 780-3370)
«Дом научно-технической книги» (Ленинский пр-т, 40. Тел. (495) 137-6019)
«Дом книги на Ладужской» (м. Бауманская, ул. Ладужская, 8, стр. 1. Тел. 267-0302)
«СПб. дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 448-2355)
«100 000 книг» (г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13. Тел. (343) 22-12-979)
Сеть магазинов «Дом книги» (г. Екатеринбург, ул. Антона Валека, 12. Тел. (343) 253-50-10)